

Д. С. Гречко

СКИФИЯ ОТ ОКТАМАСАДА ДО АТЕЯ (по материалам Днепровского лесостепного Левобережья)

Статья посвящена вопросам развития материальной культуры и этнокультурных процессов в Днепровском лесостепном Левобережье в последней трети V — середине IV вв. до н. э. Рассмотрены изменения поселенческой структуры, проанализирован погребальный обряд. Сделана попытка уточнить хронологию материальной культуры.

Ключевые слова: Днепровское лесостепное Левобережье, скифское время, поселенческая структура, курганы, материальная культура, хронология.

Интерес к истории Скифии и культуры ее населения является постоянно актуальным и важным. Накопление источниковой базы и теоретические разработки археологов позволяют постоянно вносить коррективы и детализировать события и процессы, которые имели на протяжении разных этапов скифской истории.

Предлагаемая работа является продолжением серии статей, в которых ранее были затронуты вопросы развития материальной культуры и этнокультурных процессов на юге Восточной Европы с конца VIII до начала сооружения «царских» курганов (основного погребения Солохи) (Гречко 2012; 2013; 2016a; 2016b; 2017). Ниже основное внимание будет уделено комплексам последней трети V — середины IV вв. до н. э. Днепровского лесостепного Левобережья (далее ДлЛ).

Данный период характеризуется стабилизацией военно-политической обстановки практически во всей северной Евразии, что ярко показывает непрерывное развитие культур на данной обширной территории (Алексеев 2003, с. 29—30, табл. 2). В периодизации скифской истории он также не вызывает дискуссий у специалистов и начинается с совершения первич-

ного захоронения Солохи. В. Е. Еременко, базируясь на анализе комплексов с предметами вооружения, выделил его в фазу D1 (420/400—340/330 гг. до н. э.) (Еременко 1997). Ю. А. Виноградов и К. К. Марченко включают его в более широко датированный четвертый период (последняя четверть V — рубеж IV/III вв. до н. э., который характеризуется стабильными, преимущественно мирными контактами скифов, эллинов и населения Лесостепи. Часть скифов переходит к оседлости, а в Лесостепи наблюдается определенный упадок по сравнению с предшествующим временем, хотя авторы, в частности, в Посулье отмечают явное оживление. В данном периоде также выделяют период около середины столетия, как время начала максимального расцвета и углубления дифференциации скифского общества (Виноградов, Марченко 1991). Данный отрезок времени, согласно периодизации А. Ю. Алексеева, соответствует седьмому периоду скифской истории, который характеризуется началом стабильности в регионе при кратковременных периодах напряженности в самой Скифии (Алексеев 2003, с. 25).

Для Правобережной Лесостепи С. А. Скорый отмечает усиление степной агрессии со второй половины V в. до н. э. Большинство городищ прекращают функционировать. Скифы третьей волны устанавливают контроль над значительной частью региона, которая входит в состав северопричерноморской Скифии. Проникновение кочевников фиксируется появлением значительного количества погребений в катакомбах (Скорый 2003, с. 83—85).

В одной из своих предшествующих работ (Гречко 2017) я указывал на то, что существенные изменения произошли около середины —

третьей четверти V в. до н. э. Скифы перенесли на территорию Нижнего Поднепровья место захоронения знати (Геррос?), где в это время распространяется обряд захоронения в подбоях и катакомбах, который сосуществует с традиционными погребениями в ямах с широтной ориентировкой. Появляются первые захоронения знати под значительными насыпями (I Завадская Могила, Великая Знаменка кург. 13 и др.). Вероятно, территория Скифии была разделена между подразделениями кочевников. Происходит выделение богатых семей, которые могли формировать аилы, как это происходило в раннем средневековье (Плетнева 1982, с. 37—39). Это сопровождалось распадом общины, а рядовые кочевники беднели и могли переходить к оседлости, либо примыкать к аилам, пасти чужой скот, оставаться в зимовниках для занятий земледелием и заготовкой сена. Аилы характерны для второй стадии кочевания. Несколько аилов могли формировать орду, которая состояла не из кровнородственных социальных подразделений. Параллельно происходило разложение военно-демократического строя и возникновение родовой аристократии (Плетнева 1982, с. 37—39).

Завершение данного процесса было ознаменовано появлением серии больших курганов в последней трети V в. до н. э. в различных регионах уже сложившейся Скифии (Аксютинцы и Стайкины Верх в Посулье, Скифская Могила в бассейне Тясмина, Турецкая Могила в северскодонецкой Лесостепи, Близнаец 2 в Надпорожье и др.). Среди данной группы выделяется первое «царское» захоронение в основном погребении Солохи. Данное событие знаменует начало расцвета Классической Скифии, как законченного общественного образования¹ со стабильными доминантными отношениями с соседями.

Днепровская левобережная Лесостепь в V в. до н. э. входит в состав Скифии. Это привело к изменениям поселенческой структуры, погребальной обрядности, что было связано с увеличением подвижности населения Лесостепи. Материальная культура также динамично развивалась и одной из целей работы будет попытка разработки ее микрохронологии в рамках данного периода.

ПОСЕЛЕНЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

Развитие поселенческой структуры населения ДнЛ последней четверти V — первой половине IV вв. до н. э. происходило в условиях ее функционирования в рамках северопричерноморской Скифии. Важно отметить, что часто материалы поселенческих памятников могут

1. Характер государственного образования скифов дискусионен и является темой для специальных исследований.

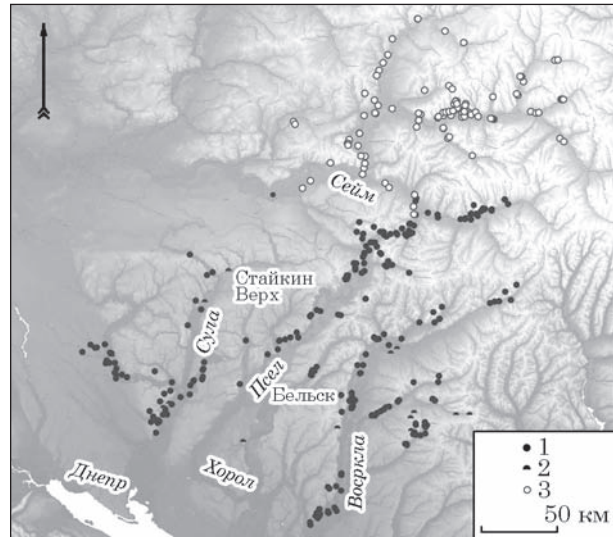

Рис. 1. Памятники Днепровского лесостепного Левобережья второй половины V — IV вв. до н. э.: 1 — лесостепные поселения и городища; 2 — некрополи; 3 — поселения и городища юховской культуры

быть датированы лишь широко V—IV вв. до н. э.

Существенные изменения произошли в конце первой трети V в. до н. э. (рис. 1). Ярким индикатором данных процессов является Бельское городище на Ворскле. В это время затухает жизнь на территории Западного укрепления, поселений в ур. Царина Могила и Лисовый Кут. На территории южной части Большого укрепления появляются некрополи (группы А и Б), в которых, как минимум, часть погребений принадлежаланомадам. На фоне данных изменений основным местом проживания оседлого населения становится Восточное укрепление, которое переживает в последующее столетие расцвет. Авторские исследования 2018 г. показали, что плато с Восточным укреплением было выделено из остальной территории Большого Бельского городища «Южным» валом (Гречко, Крютченко, Ржевуська 2018, с. 68).

В междуречье Ворсклы и Псла меняется характер поселений. На смену значительным по площади селищам с зольниками приходят поселения с существенно слабее насыщенным культурным слоем без зольных насыпей. В. В. Шерстюк отмечает, что они располагаются вблизи более ранних поселений, немного выше по склону плато. Кроме того, исследователь отмечает появление временных поселений и, в целом, очень незначительное количество селищ позднескифского времени (Шерстюк 2012, с. 50). Не фиксируется следов проживания данного времени на Лихачевском поселении и городище Полковья Никитовка.

Южная группа памятников ворсклинского региона, судя по результатам раскопок поселений и могильников, прекращает свое функционирование (Пожарная Балка, Мачухи). Хотя

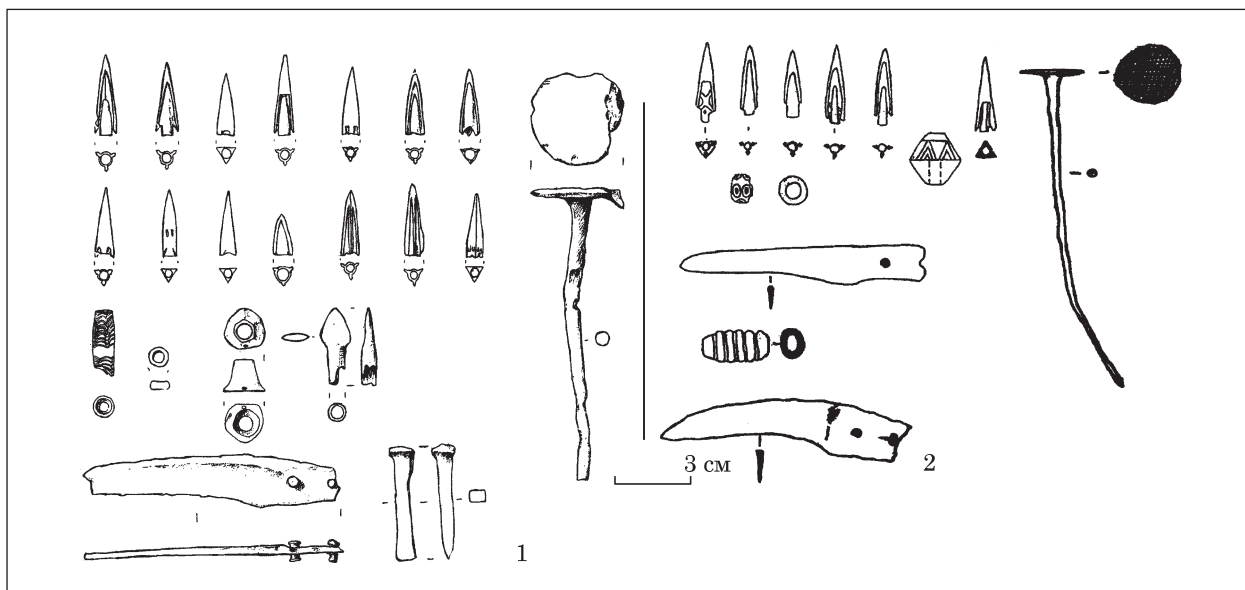

Рис. 2. Некоторые хронологические индикаторы памятников Посулья: 1 — поселение Матяшив Яр 3; 2 — Глинское городище (Жаров, Терпиловский 2006; Гейко 2000b)

сезонные поселения и следы пребывания населения в V—IV вв. до н. э. зафиксированы в пойме Ворсклы (Мокляк, ред. 2007, № 5, 38, 43, 51, 139, 153, 184, 334, 336, 337, 362, 409).

Серьезные изменения происходят и в соседних областях ДлЛ. На территории Посеймья продолжает функционировать лишь незначительная часть городищ (Ширяево) (Каравайко 2018, с. 284). Как раз в это время по предварительным данным заселяется территория Верхнего Псла. Не исключено, что часть мигрантов происходила из Курского Посеймья (?). Данный регион заселяется в это время племенами юхновской культуры (рис. 1) (Белинский, Кабанов 2015, с. 126—127)¹. Стоит отметить, что активизация лесного населения и его продвижение на юг зафиксированы и в Киевском Поднепровье. Нельзя исключать, что имели место климатические изменения и пределы лесной зоны сместились немного южнее.

В Посулье часть поселений на водораздельном плато, которые возникли в VI в. до н. э. прекращают функционирование (Матяшив Яр 1—2). На их место приходят поселения в иных топографических условиях — на низких мысах надпойменных террас (Матяшив Яр 3 (рис. 2: 1), останцах первой надпойменной террасы или дюнах в пойме (ур. Кут) (Жаров, Терпиловский 2006). Материалы данного времени встречены на дюнах поймы Сулы у с. Засулля, Тишки, Хорошки, Чернече, Сенча (Луговий, Верещака 2006, с. 68). Стоит подчеркнуть, что поселения с подобной низкой топографией не характерны для раннескифского времени. Из-

вестны лишь пункты у с. Лихачевка и Хухры на Ворскле. Данные поселения размещались вблизи переправ и имели хорошо насыщенный культурный слой и использовались круглогодично, чем принципиально отличаются от сезонных поселений V—IV вв. до н. э. Басовское городище продолжает функционировать (Ильинская, Тереножкин 1983). Материалы Свиридовского и Глинского городища (рис. 2: 2) могут быть датированы лишь широко V—IV вв. до н. э. (Гейко 1997; 2000, с. 145—152).

Кнышовское городище на Псле наиболее активно функционирует как раз в данный период (Гавриш 2000, с. 162). Интересно, что в этом регионе, кроме кургана у Великой Багачки (Мурзин, Шелехань 2018), неизвестны погребения конца V — IV вв. до н. э.

В северскотодонецкой Лесостепи происходят аналогичные изменения — сокращается число городищ, поселений с зольниками, при активном функционировании нескольких укреплений и широком распространении сезонных поселений. Все это происходило на фоне увеличения подвижности части земледельческого населения и инфильтрации части степного населения в регион (Гречко 2010).

Приднепровская террасовая Лесостепь² в данное время начинает активно использоваться скифами. Появляются многочисленные могильники Бориспольской группы (Фиалко 1994).

1. Информацию о памятниках Посеймья любезно предоставил О. О. Билинский, которому я признателен за помощь.

2. Данный регион по своим характеристикам является степным и может быть исключен из ДлЛ. На правомерность данного подхода указывает и активное использование его кочевниками, в то время как поселенческая структура скифского времени фактически отсутствует.

О ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ НАСЕЛЕНИЯ ДЛЛ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ V — СЕРЕДИНЫ IV вв. до н. э.

В последней трети V — IV вв. до н. э. одни могильники населения Лесостепи продолжает функционировать, другие — прекращают. Все это сопровождается появлением значительного количества новых некрополей, часть из которых принадлежала степнякам (Гречко, Шелехань 2012).

Посульские некрополи продолжают использоваться. Исследователи уже отмечали, что количество комплексов на порядок уменьшается, что, однако, сопровождалось созданием нескольких аристократических курганов высотой более 10 м, чего не фиксировалось после возведения Шумейковского кургана (Ильинская, Тереножкин 1983, с. 320—330).

Система погребального обряда данного периода не отличается монолитностью. Ее изучение уже давно привлекает внимание исследователей. Ю. Н. Бойко провел факторный статистический анализ захоронений 32 локальных групп, включая лесостепные (Бойко 1996, с. 270—271). Для комплексов второй половины V — IV вв. до н. э. ДлЛ были получены следующие результаты.

Фактор 1¹ (степной) фиксируется лишь на Средней Ворскле (погребения в подбоях у Нового Мерчика и в группе Б Бельского некрополя). Архаические факторы 2 и 4 продолжают присутствовать лишь на Суле, что в это время сближает данный регион с савроматскими памятниками. Фиксируется усиление связей Левобережья с савроматским миром (фактор 6).

Фактор 1² усиливается в Посулье, где, по мнению Ю. Н. Бойко, все еще хоронят аристократию из соседних регионов Лесостепи. Фактор 5 сохраняется лишь в Посулье. В ДлЛ и у савроматов локализуются факторы 7—8. Фактор 2 исчезает в Посулье, но появляется на Ворскле (Бойко 1996).

Ю. Н. Бойко считает, что население Левобережья было в своей основе иранским, но автохтонным (не скифским) (Бойко 1996, с. 277). По логике ссылок можно предположить, что исследователь придерживается идеи о происхождении ираноязычной знати Лесостепи от позднесрубной культуры региона, что на сегодня уже может быть предметом только историографического исследования (Гречко 2010, с. 18). Для ДлЛ отмечается взаимодействие различных, иранских в своей основе, этнических компонентов и их сосуществование с какими-то не иранскими стереотипами погребального обряда, которые, к сожалению, не расшифрованы. Важными являются выводы о Посулье, как некрополе иранской лесостепной аристократии

и Бельск, который считается индикатором всех изменений в регионе (Бойко 1996, с. 277).

Интересна серия курганов подгруппы 2в группы II (430/420—410-е гг. до н. э.). Они вы-

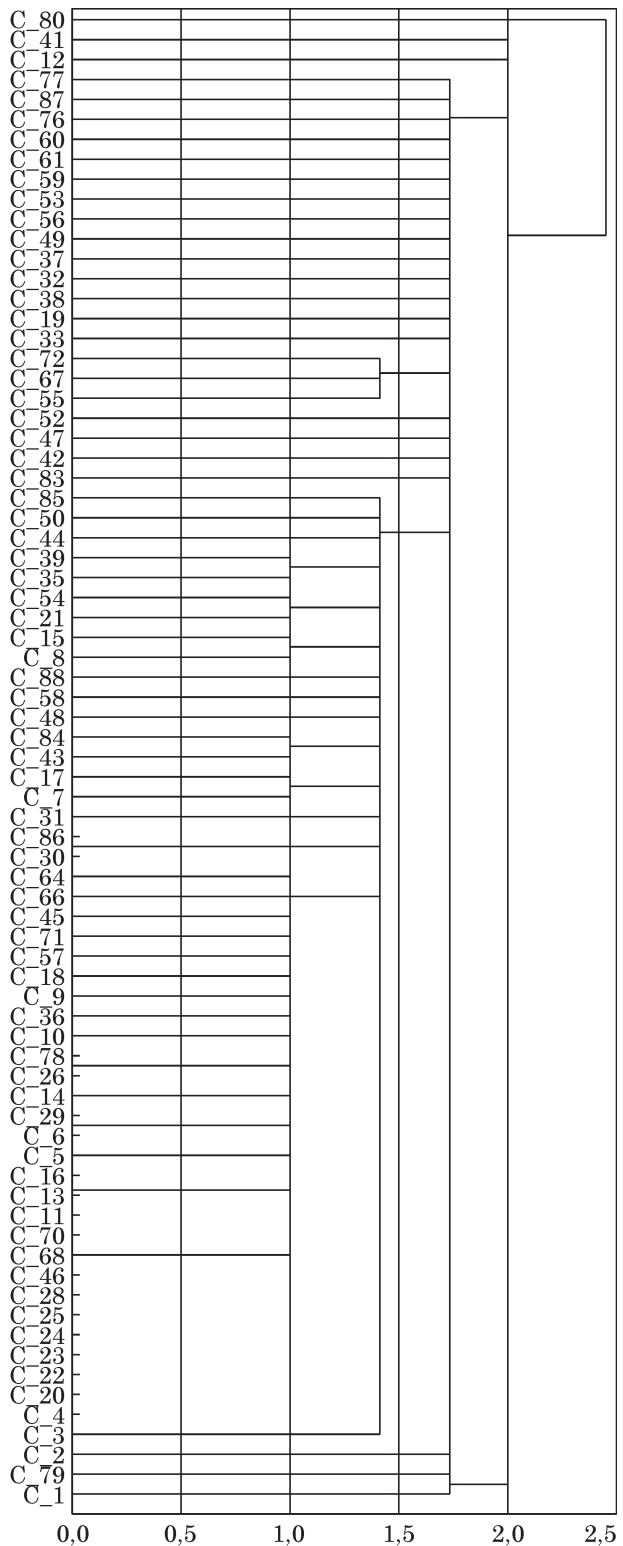

Рис. 3. Дендрограмма погребений Днепрового лесостепного Левобережья последней четверти V — IV вв. до н. э.

1. Факторы погребального обряда.
2. Факторы погребального инвентаря.

деляются значительными размерами насыпей (Стайкин Верх, к. 2 — 10,5 м; Стайкин Верх, к. 3 — 5,7 м; Аксютинцы, к. 2 — 10 м; Волковцы, к. 4 — 7,8 м) и погребальных сооружений (Стайкин Верх, к. 2 — 136 м³; Стайкин Верх, к. 3 — 33,75 м³; Аксютинцы, к. 1/1886 — 66 м³). Часть курганов была окружена рвом (Стайкин Верх, к. 2, Мгарский курган) и сооружена из вальков дерна (Мгарский и Опошнянский курганы). Часто погребения являлись впускными (Стайкин Верх, к. 3, Аксютинцы, к. 2, Опошня, к. 1/1) и были парными (Стайкин Верх, к. 3, Аксютинцы, к. 1/1886, Волковцы, к. 4/4, Басовка А, Мгарский курган). Инвентарь мужских захоронений не отличается от степных погребений (детали конской узды, предметы вооружения, панцири, «пращевые» камни (Мгарский курган, Аксютинцы, к. 2), котел, античная керамика. Погребения женщин в Посулье сопровождалась местным набором украшений (Клочко 2017). Характерные степные черты (насыпи из дерна, «пращевые» камни) в сопровождении наборов вооружения и деталей узды позволяют предполагать принадлежность мужчин-воинов представителям ираноязычных кочевников, а для женщин нельзя исключать, а, возможно, и стоит говорить, об их местном происхождении.

ПОДГРУППА ЗА / ГРУППА III (420/400—380/375 гг. до н. э.)

Был проведен кластерный анализ матрицы с данными о погребальном обряде 88 погребений последней трети V — IV в. до н. э. Дендрограмма получилась непростой для анализа (рис. 3). Кластеры (уровни) были выделены на основании евклидова расстояния между комплексами. Можно выделить шесть кластеров (уровней)¹.

В кластере (уровне) 1 можно выделить группу А, в которую вошли погребения бельских некрополей (Перецепино, к. 3/2 (рис. 4: 1), к. 2/2001 (рис. 4: 2), Скоробор, к. 12/1975), совершенные в ямах ориентированных по линии СВ—ЮЗ с наборами посуды.

В группу Б программа объединила комплексы из некрополей у хут. Настельного та Покровского, совершенные в ямах с широтной ориентировкой или

по линии СЗ—ЮВ без уточняющих признаков погребального инвентаря.

Кластер (уровень) 2 наиболее сложный для интерпретации. В нем можно выделить несколько групп.

Группа А объединила комплексы из к. 5 ур. Осяги (рис. 5: 2), и к. 19 у с. Олефирщина (рис. 5: 1), представленные погребениями в ямах с лагами ориентированные по линии СВ—ЮЗ.

Группа Б представлена погребениями в ямах со срубам, ориентированные по линии СВ—ЮЗ (Скоробор, к. 6/1979 (рис. 6: 3), хут. Покровский).

Группа В презентована богатыми комплексами могильника у хут. Настельный (к. 4/І, 2/ІІ, 4/ІІІ, 2/І) — погребениями в ямах со срубам с набором вооружения и украшений, изделиями из золота. Захоронения принадлежали либо знатным воинам-степнякам, либо женщинам аналогичного социального слоя.

Также к суперкластеру 2 можно отнести погребения в ямах (СВ—ЮЗ) (Сурмачевка, к. 1/2, Скоробор, к. 15; в ямах с лагами (СВ—ЮЗ) с наборами вооружения, изделиями из золота, деталями узды и костями животных (Скоробор, к. 11 (рис. 6: 1), к. 17 (рис. 6: 2); впускные погребения с широтной ориентировкой и наборами вооружения (Лубны, Кусторовка, к. 1/2; к. 22 у с. Купьеваха с захоронением в яме (З—В) с изделиями из золота и набором украшений.

Кластер (уровень) 3 представлен элитными погребениями бельских некрополей в сложных

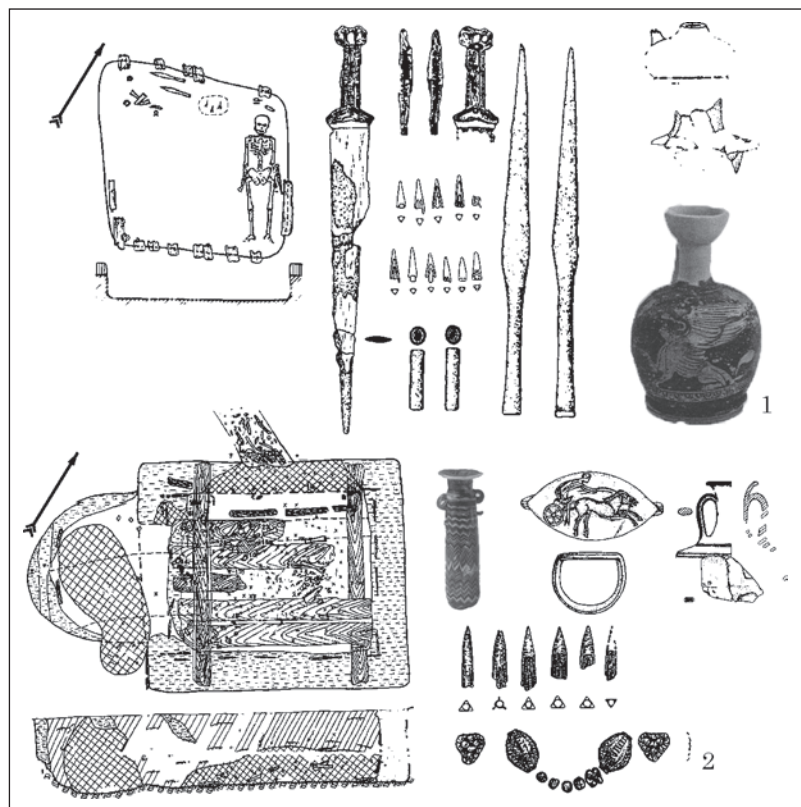

Рис. 4. Планы и материалы погребений кластера 1А: 1 — Перецепино, к. 3/2; 2 — Перецепино, к. 2/2001 (Шрамко 1994; Кулатова, Супруненко 2010). Масштаб произвольный

1. Выражаю признательность за помощь в проведении анализа и расшифровке дендрограммы Ю. В. Буйнову.

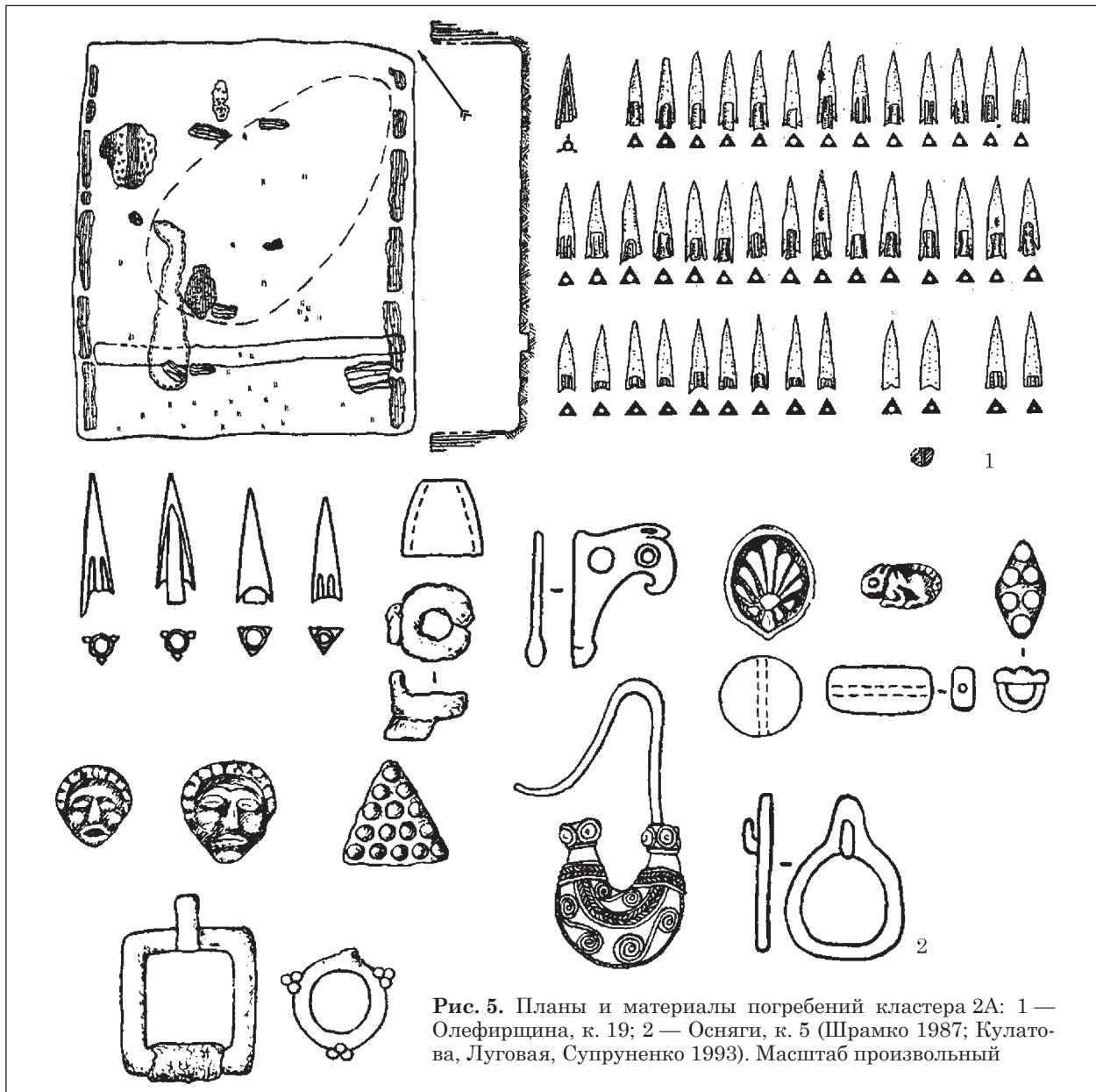

Рис. 5. Планы и материалы погребений кластера 2А: 1 — Олефирщина, к. 19; 2 — Осняги, к. 5 (Шрамко 1987; Кулатова, Луговая, Супруненко 1993). Масштаб произвольный

деревянных камерных гробниц с дромосами, лагами, горизонтальной облицовкой стен со столбами или без них (С—Ю или СВ—ЮЗ). Инвентарь также разнообразен и говорит о парности (коллективности?) захоронений — детали конской сбруи, кости животных, наборы вооружения, изделия из драгоценных металлов, наборами посуды и украшений (Перецепино, к. 1/2001 (рис. 7: 1), к. 7 (рис. 7: 2), группа Б, к. 1 (рис. 7: 3), Скоробор, к. 19 (рис. 7: 4).

Кластер (уровень) 4 объединил довольно разнообразные комплексы в разнотипных погребальных сооружениях (типы погребальных сооружений 2, 3, 14 (2 комплекса), 15 (2 комплекса), 16, 24) с разными ориентировками (С—Ю (3 комплекса)¹, СЗ—ЮВ, З—В (2 комплекса), СВ—ЮЗ). Часто встречающимися

чертами в погребальном инвентаре являются кости животных, наборы вооружения, изделия из драгоценных металлов, наборы посуды и украшений, детали конской сбруи (группа Б, к. 2 (рис. 8: 2), Купьеваха, к. 13, группа Б, к. 7 (рис. 8: 1), Скоробор, к. 16, В. Багачка, п. 1 (рис. 8: 3), Осняги, к. 4 (рис. 9: 2), Олефирщина, к. 15 (рис. 9: 1). Комплексы представлены преимущественно парными и коллективными захоронениями в деревянных гробницах с разнообразным инвентарем и принадлежали социально выделенной прослойке населения Ворсклы данного периода.

Кластер (уровень) 5² объединил элитные комплексы в ямах со столбами и горизонтальной облицовкой стен (С—Ю), которые относят-

2. Комплекс из Оснягов к. 7 попал в данный кластер из-за отсутствия данных об ориентировке могилы.

1. Описание признаков см.: Гречко 2018, с. 24.

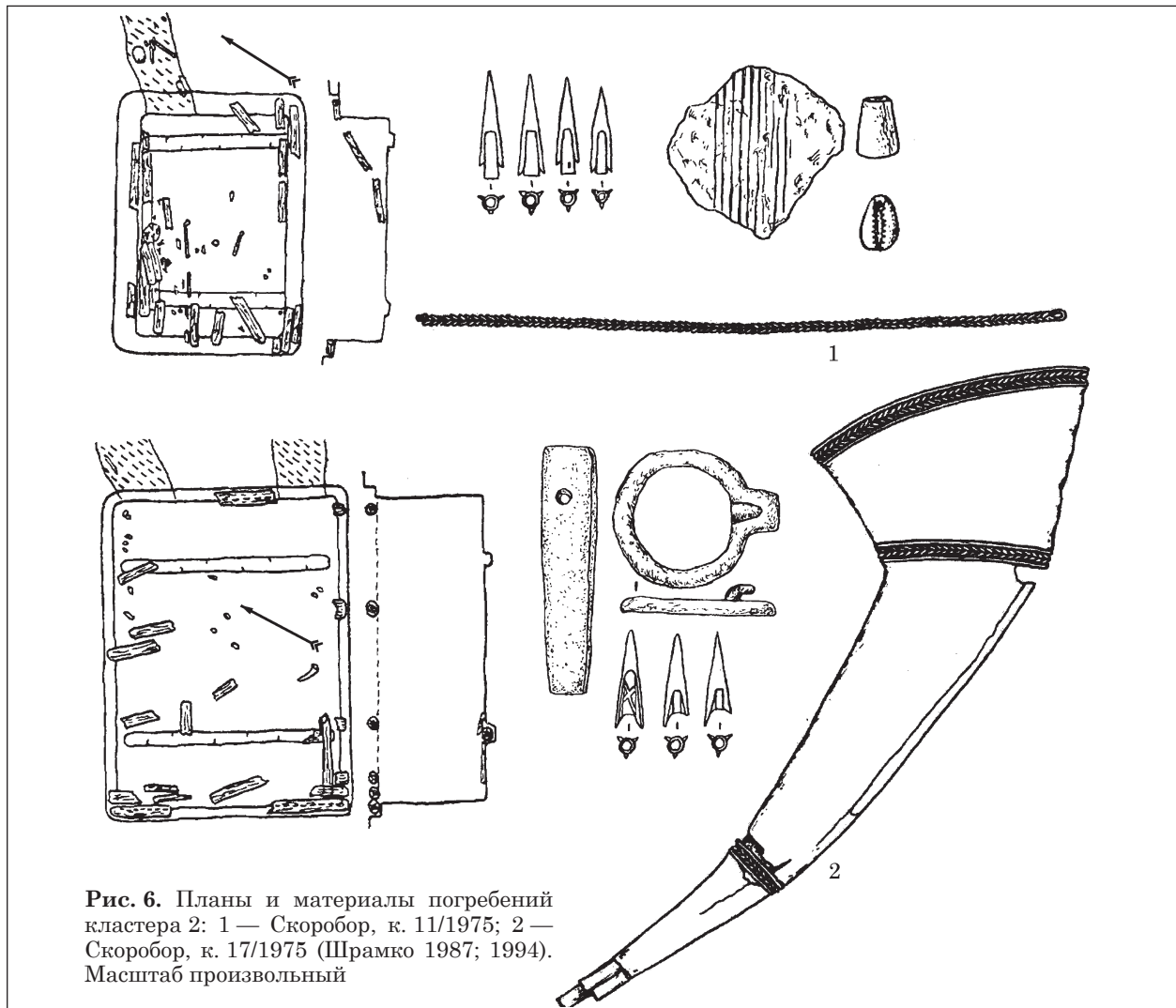

Рис. 6. Планы и материалы погребений кластера 2: 1 — Скоробор, к. 11/1975; 2 — Скоробор, к. 17/1975 (Шрамко 1987; 1994). Масштаб произвольный

ся к следующему хронологическому горизонту (середина — третья четверть IV в. до н. э. (Аксютинцы, к. 5, С. А. Мазараки, 1905 г.), Купьеваха, к. 8).

Кластер (уровень) 6 также представлен элитарным комплексом у с. Будки (впускная деревянная гробница, С—Ю) из Посулья, который также относится к следующему хронологическому горизонту. Интересно, что программа отделила элитные комплексы середины-третьей четверти IV в. до н. э. в деревянных гробницах с южной ориентировкой. О преобладании во всем ДлЛ меридиональной ориентировки в IV в. до н. э. уже писали исследователи (Бойко 1999).

Можно сделать некоторые наблюдения по распространению признаков погребального обряда в последней трети V — первой половине IV вв. до н. э.

Ровики известны во всех регионах, а вокруг курганов Посулья зафиксированы и валы. Простые грунтовые ямы представлены во всех регионах ДлЛ на протяжении всего скифского периода. Погребальные сооружения со столбами известны лишь в Поворсклье, а с дополнительной горизонтальной облицовкой — и в

Посулье. Погребения с канавкой по периметру стен неизвестны для данного времени. Срубы¹ в яме представлены преимущественно в Поворсклье, с преобладанием в скифских могильниках у Муравского Шляха (хут. Настельный, Покровский, Кусторовка).

Традиция сооружения погребального помоста на лагах сохраняется в бельских и близлежащих (Олефирщина) некрополях. Сочетание лаг, столбов и горизонтальной облицовки стен известно лишь в бельских некрополях (Скоробор и группа Б), а лаги с дромосом известны лишь в Олефирщине. Сложные деревянные конструкции (дромос, лаги, столбы или без них, горизонтальная облицовка) также зафиксированы лишь в бельских некрополях (Скоробор, группа Б), причем, в предшествующий период они были характерны лишь для Перещепинского могильника. Сочетание сруба и лаг из-

1. Сруб от рамы или горизонтальной облицовки стен зачастую трудно отличить по описаниям исследователей, особенно, для Посулья и других дореволюционных раскопок (хут. Настельный и Покровский).

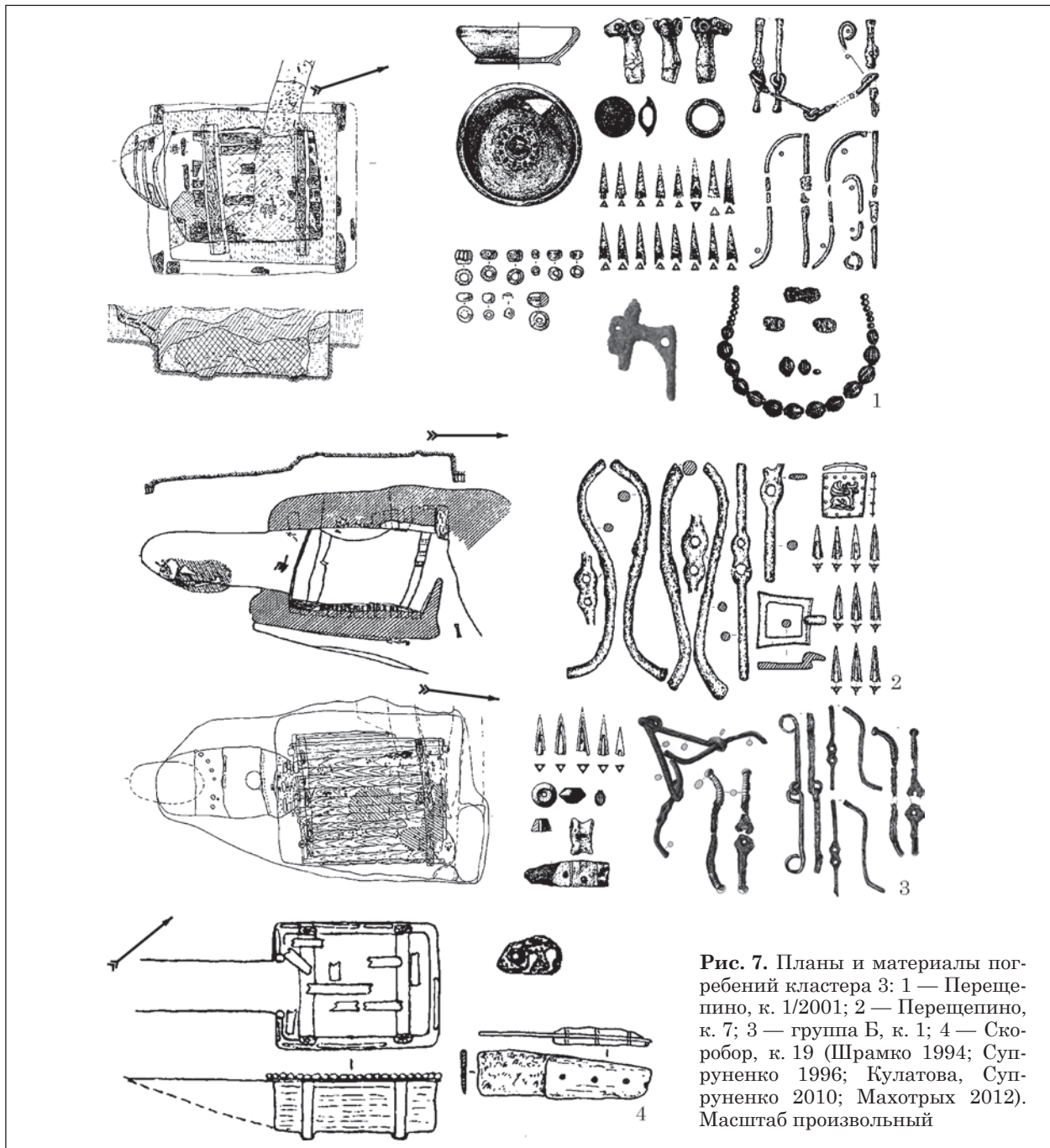

Рис. 7. Планы и материалы погребений кластера 3: 1 — Перещепино, к. 1/2001; 2 — Перещепино, к. 7; 3 — группа Б, к. 1; 4 — Скоробор, к. 19 (Шрамко 1994; Супруненко 1996; Кулатова, Супруненко 2010; Махотрых 2012). Масштаб произвольный

вестно лишь в Оснях. Катакомбы, которые бы надежно датировались рассматриваемым периодом неизвестны. Подбой из группы Б бельского некрополя и Нового Мерчика могут датироваться и более поздним временем.

Ориентировка погребальных сооружений не отличается стабильностью. Меридиональная ориентировка зафиксирована в Посулье (6 комплексов) и Поворсклье (14 комплексов). Широтная неизвестна в Посулье, но шире представлена в Поворсклье, как в некрополях Бельска, так и вблизи Муравьского Шляха. Ее распространение, очевидно, связано со степным влиянием, которое сопровождалось и прямым проникновением групп населения с юга.

Ориентировка СВ—ЮЗ продолжает оставаться одной из доминирующих на Средней Ворскле (Бельск и округа) и преобладает в новых могильниках степняков у Муравьского Шляха (хут. Настельный и Покровский, Кусторовка). Всего 29 комплексов. Вероятно, она имеет разное происхождение для данных двух регионов.

Ориентировка СЗ—ЮВ характерна для хут. Настельный, хотя известна и в группе Б бельского некрополя и Скороборе¹. Один комплекс известен в Посулье.

1. Для Бельска нельзя исключать сезонного отклонения.

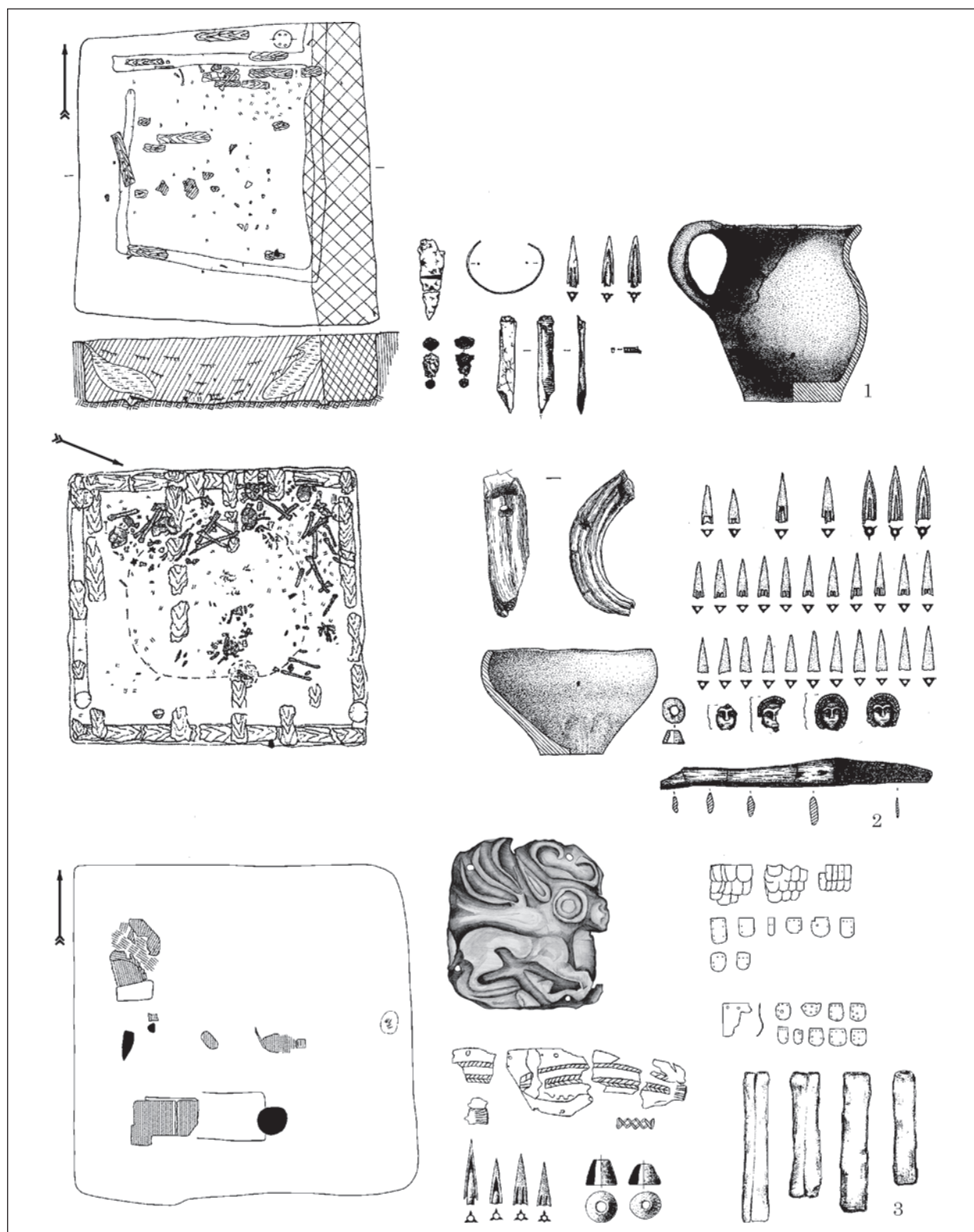

Рис. 8. Планы и материалы погребений кластера 4: 1 — группа Б, к. 7; 2 — группа Б, к. 2; 3 — В. Багачка, к. 1, п. 1 (Супруненко 1996; 2006; Мурзин, Шелехань 2018). Масштаб произвольный

Погребальный инвентарь. Предметы конского снаряжения представлены во всех регионах. На Ворскле они сконцентрированы в бельских некрополях и Олефирщине. Напутственная мясная пища представлена в Посулье, бельских некрополях, Кусторовке, Великой Багач-

ке, Купьевахе и Олефирщине. Зеркала хорошо представлены на Ворскле и одним комплексом в Посулье. Наборы вооружения хорошо известны в регионе (19 на Ворскле и 6 в Посулье). Золотые обивки деревянных чаш дважды найдены на Ворскле (Перещепино, к. 7, В. Багач-

Столовая античная посуда в комплексах данного периода также, как и для V в. до н. э., часто не способствует уточнению датировки. Чернолаковая и краснофигурная керамика дает лишь *terminus post quem*¹ (Алексеев 2003, с. 207). Показательный пример — Корнеевка к. 2. В последнем погребении кургана (№ 3) был найден скифос группы St. Valentin третьей четверти V в. до н. э., а в первом впускном погребении 2 — четыре гераклейские амфоры конца данного столетия. С. В. Полин в одной из последних работ все же изменил датировку позднейшего погребения до последней четверти — конца V в. до н. э. (Полин 2014, с. 201), при этом исследователь продолжает настаивать на том, что чернолаковые и краснофигурные сосуды синхронны амфорной таре (Полин 2014, с. 192—193). О необоснованном удревнении погребения 2² в кургане 3 у с. Богдановка на основании датировки чернолакового килика последней четверти V в. до н. э. писала Н. А. Лейпунская (1989, с. 107—111).

Для данной работы важна датировка кургана 2 (1883—1885 гг.) у с. Аксютинцы. Чернолаковый килик датируется около середины V в. до н. э., а сам комплекс близок Солохе (Алексеев 2003, с. 206—207). А. Ю. Алексеев относит погребение к третьей четверти столетия, при этом отметив возможность его «омоложения» к последней четверти V в. до н. э. (2003, с. 207, 399, рис. 26). С. В. Махортых и Р. Ролле также склоняются к синхронизации данного комплекса с Солохой (Махортых, Ролле 2015, с. 197), в чем я их поддерживаю.

ПОДГРУППА 2В / ГРУППА II (430/420—410-е гг. до н. э.)

Представлена комплексами, которые следуют за первыми элитными погребениями Классической Скифии (Великая Знаменка, к. 13, I Завадская Могила) середины — третьей четверти V в. до н. э. и предшествуют основному погребению Солохи. Стоит отметить сложность в более точном разделении части комплексов последней трети V в. до н. э.

К данной подгруппе можно отнести следующие базовые комплексы Северного Причерноморья — Перомаевка I, к. 4/1 (рис. 10: 1), Новое Запорожье, к. 7 (рис. 10: 2), Малый Чертомлык (рис. 10: 4)³, Малая Цимбалка (рис. 10: 3), Близнаец 2 (рис. 10: 5). Для Лесостепи таковыми являются Турецкая Могила в северскодо-

нецком регионе (рис. 11: 5), Скифская Могила в бассейне Тясмина; Мгарский курган (рис. 11: 6), Стайкин Верх к. 2 (рис. 11: 1) и 3 (рис. 11: 4), Аксютинцы, к. 1/ 1886, к. 2 (1883—1885 гг.) (рис. 11: 3), Волковцы, к. 4 (И. А. Линниченко), Басовка А в Посулье и Опошнянский курган на Ворскле.

Основными маркерами данных комплексов служат хиосские прямогорлые амфоры (IV тип по С. Ю. Монахову), иногда в сочетании с поздднепухлогорлыми⁴. Чернолаковая посуда из данных комплексов зачастую древнее наиболее поздних находок на 10—20 и более лет. В это время появляются и массово распространяются трехлопастные наконечники стрел с треугольной в плане головкой, гранями, переходящими в шипы, трехгранным острием и короткой выступающей втулкой (Малая Цимбалка, Близнаец 2 (рис. 10: 3, 5) (Алексеев 1995; Ромашко, Скорый 2009); трехгранные наконечники стрел со скрытой втулкой и двумя вертикальными углублениями либо П-образным ложком, которые получают распространение позже.

Во второй половине — последней четверти V в. до н. э. появляются и получают развитие мечи типа Солохи (Топал 2014, с. 380). Одними из древнейших изделий является мечи из Гладковщины (рис. 11: 2) (Григорьев 1994, с. 77) и к. 3 в ур. Стайкин Верх (рис. 11: 4) (Ильинская 1968, с. 90), которые можно датировать не ранее третьей четверти, а более вероятно, последней трети V в. до н. э.

В V в. до н. э. происходит трансформация формы наконечников копий от лавролистной к остролистной (Мелюкова 1964, с. 38—40). Древнейшие надежно датированные дротики относятся ко второй половине (преимущественно последней четверти) V в. до н. э. (Гречко 2017, с. 98).

С данного периода начинают доминировать S-видные псалии⁵ (рис. 10—11), а Г-образные — исчезают. Известны бронзовые стержневидные двухдырчатые псалии (Перомаевка I, к. 4/1) (рис. 10: 1) (Евдокимов, Фридман 1991, с. 76). Одни из наиболее ранних прямых, железных псалиев найдены в к. 3 Стеблевского могильника, который можно датировать около середины V в. до н. э. (Полин 2014, с. 195)⁶. Известны в данной хронологической подгруппе и биметаллические псалии (Аксютинцы к. 2, Стайкин Верх к. 3 (рис. 11: 4) (Ильинская 1968, табл. VII: 5).

Ворворки вновь меняют форму и становятся низкими, усеченно-коническими, хотя параллельно продолжают использоваться и вы-

1. Е. Е. Фиалко привела примеры продолжительного использования скифами столовой посуды (2006, с. 364—366).

2. Комплекс датируется началом IV в. до н. э. (Лейпунская 1989, с. 107—111).

3. Комплекс кургана имеет аналогии среди изделий в Великой Знаменки к. 13, что говорит об его относительной древности в данной подгруппе (конец третьей четверти V в. до н. э.).

4. Более детально см.: Гречко 2017, с. 98—99).

5. Об аналогиях, как железным, так и бронзовым изделиям последней трети V — первой половине IV вв. до н. э. см. подробнее: Бидзиля, Полин 2012, с. 188—189.

6. С. А. Скорый датирует комплекс первой половины V в. до н. э. (Скорый 1997, с. 56).

сокие ворворки (Малая Цимбалка (рис. 10: 3), Стайкин Верх, к. 3). В данной подгруппе все еще встречаются бронзовые «замочки» (Стай-

кин Верх, к. 2 и 3 (рис. 11: 1) (Ильинская 1968, табл. V: 22, VII: 11—12).

Появляются нахрапники в виде головы хищной птицы с удлиненным основанием (рис. 10: 1, 3) (Алексеев 2003, с. 204) и длинноухого грифона и оленя или лани (Аксютинцы, к. 2 (1883—1885 гг.), Стайкин Верх, к. 2 (рис. 11: 1) (Ильинская 1968, табл. V: 17—18; XVI: 7, 9). Важно исправить неточность в датировке начала использования нахрапников в форме продолговатого щитка со скульптурным изображением животного или птицы. В. А. Ильинская датировала появление данной группы изделий позднеархаическим временем (конец VI — на-

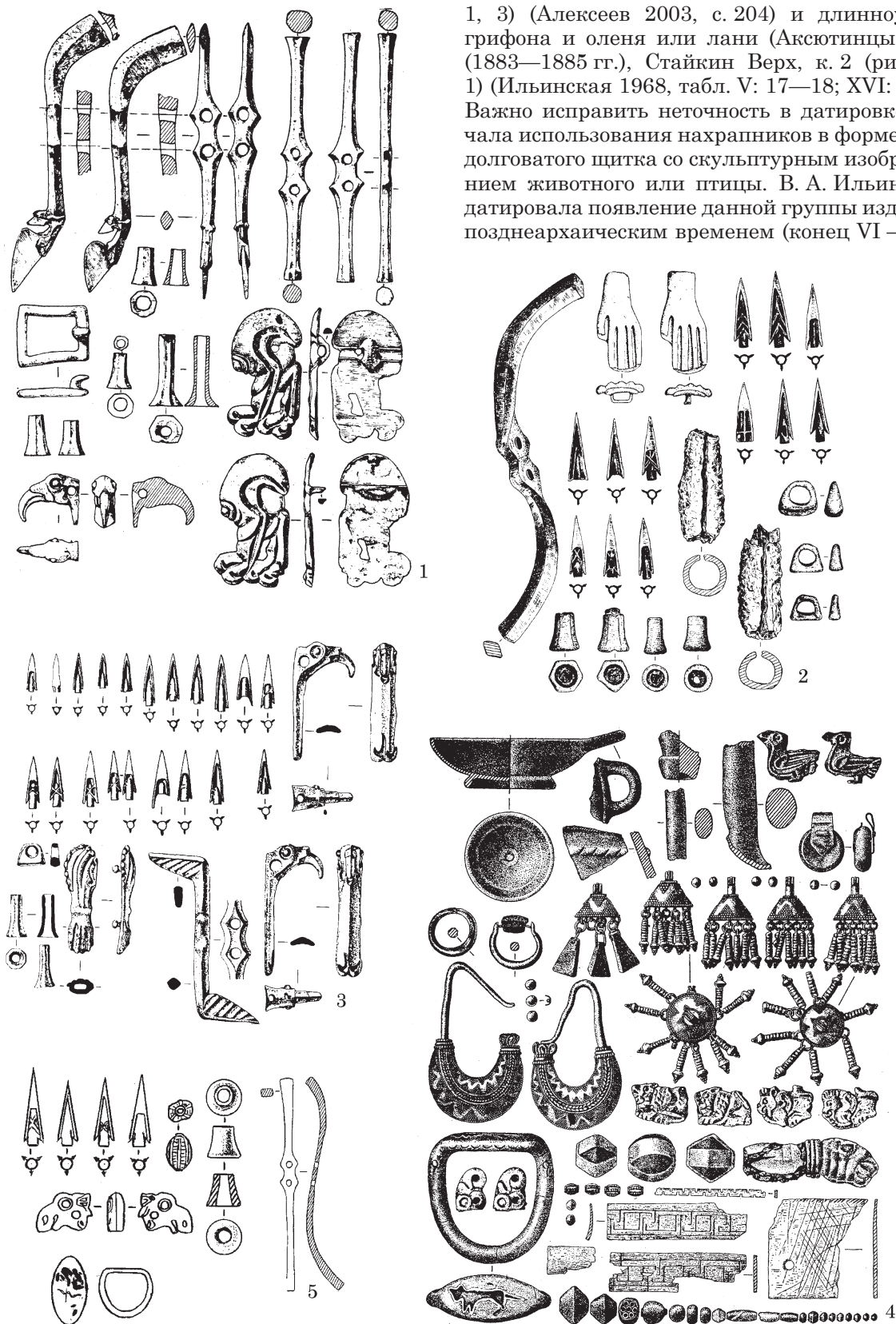

Рис. 10. Материалы из степных погребений подгруппы 2в группы II: 1 — Первомаевка I, к. 4/1; 2 — Новое Запорожье, к. 7; 3 — Малая Цимбалка 1, к. 2; 4 — Малый Чертомлык; 5 — Близнак 2 (составлено по (Евдокимов, Фридман 1991; Плешивенко 1991; Алексеев 1995; Ромашко, Скорый 2009). Масштаб произвольный

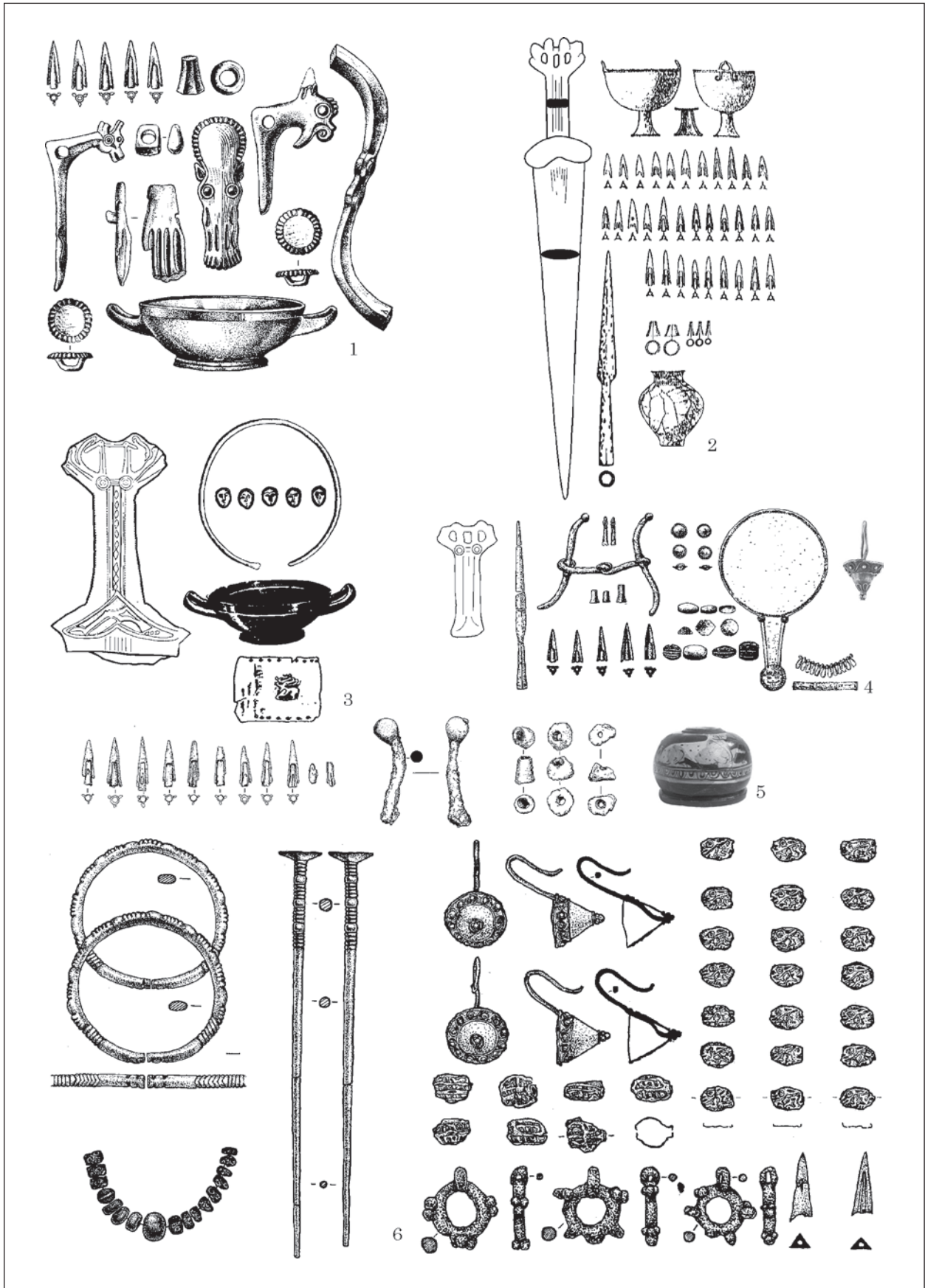

Рис. 11. Материалы из лесостепных погребений подгруппы 2в группы II: 1 — Стайкин Верх, к. 2; 2 — Гладковщина; 3 — Аксютинцы, к. 2 (1883—1885 гг.); 4 — Стайкин Верх, к. 3; 5 — Турецкая Могила; 6 — Мгарский курган (составлено по (Ильинская 1968; Григорьев 1994; Супруненко 1996; Окатенко, Скорый 2017). Масштаб произвольный

чало V вв. до н. э.) по находке в к. 383 у с. Грушевка (Ильинская 1968, с. 121). Данный комплекс, судя по находке калачиковидной серьги, бляшки типа Стайкин Верх, к. 2, может быть отнесен к данной хронологической подгруппе.

Бляшки в виде руки используются, но появляются новые изделия в виде, по мнению А. Д. Могилова, лапы кошачьего хищника (рис. 10: 3) (Могилов 2008, с. 322, рис. 103: 13—18).

Известны бронзовые подвески-кольца, украшенные тремя шариками зерни¹ (Мгарский курган (рис. 11: 6), Басовка А). Использование строенных шариков зерни для декора бронзовых изделий будет характерно для конца V — первой половине IV вв. до н. э., особенно, на подпружных пряжках (Бидзиля, Полин 2012, с. 190—194).

Наборы из длинных бронзовых булавок, ручных и ножных массивных браслетов зафиксированы фактически лишь в посульских погребениях данной хронологической подгруппы (Стайкин Верх, к. 3, Мгарский курган (рис. 11: 6), Аксютинцы, к. 1/1886, Басовка А, Волковцы, к. 4/4 (раскопки И. А. Линниченко).

В погребениях данной группы появляется значительное количество золотых украшений, которое для ДлЛ практически в семь раз превосходит аналогичное в захоронениях подгруппах 1а—2а группы II (490/480—440/430 гг. до н. э.).

Золотые серьги в виде перевернутых конусов зафиксированы лишь в Посулье (Мгарский курган (пара) (рис. 11: 6), Стайкин Верх к. 3 (одна серьга (рис. 11: 4), Волковцы к. 4/4 Линниченко (5 изделий с перевернутым конусом и 1 калачиковидная серьга)². Интерес вызывает непарность подобных редких украшений в двух последних комплексах. Можно предполагать их комплектность, а о вариантах получения одной серьги женщиной из Стайкиного Верха и замещении ее калачиковидной серьгой погребенной в Волковцах мы можем лишь догадываться. Ясно лишь одно — комплексы фактически одновременны, а два разных типа сережек сосуществовали. Конусовидные (колокольчиковидные по Б. Н. Мозолевскому) подвески и калачиковидная серьга были найдены в Малом Чертомлыке³ (рис. 10: 4) (Мозолевский 1987). Калачи-

ковидные серьги продолжают изготавливаться вплоть до середины IV в. до н. э. и продолжают использоваться в третьей четверти данного столетия (Бессонова 2007, с. 16).

В комплексах данной подгруппы появляются золотые бляшки в виде зайца в профиль (Мгарский курган (рис. 11: 6), Дедова Могила, к. 4, Бабы, Басовка курган А) и с повернутой в фас головой⁴ (Стайки Верх, к. 3), которые будут массово представлены в следующей подгруппе.

Интересны рубчатые бусины из золотой фольги (рис. 11: 6), которые массово распространяются с данного времени (последняя треть V в. до н. э.). В комплексах середины — третьей четверти V в. до н. э. известны бусы из непрозрачного стекла, сердолика и других материалов в золотой оправе, зачастую орнаментированной (Великая Знаменка, к. 13, Бабы), которые являются вероятными прототипами полых штампованных украшений рассматриваемого периода. В Малом Чертомлыке оба типа бусин обнаружены вместе (рис. 10: 4) (Мозолевский 1987, с. 72).

В комплексах данного периода хорошо известны золотые или электровые перстни-печати с плоским листовидным щитком с гравированными изображениями (Малый Чертомлык (рис. 10: 4), Близнец 2 (рис. 10: 5). Уникальное ожерелье из золотых круглых бусин, лунниц и подвесок с пирамидками зерни происходит из погребения 4 кургана 4 у с. Волковцы. Аналогии подвескам имеются в Передней Азии (Клочко 2017, с. 41), что может говорить о том, что часть золотых украшений V в. до н. э. из скифских погребений была изготовлена в Передней и Малой Азии. Данная тема перспективна для дальнейшей разработки.

III ГРУППА⁵, ПОДГРУППА 3А (420/400⁶—380/375 гг. до н. э.)

Данная хронологическая подгруппа комплексов соответствует погребениям Солохи и ранним комплексам группы / пласта А памятников Классической Скифии по А. Ю. Алексею (Алексеев 2003, с. 276—277). Большинство комплексов невозможно на сегодня датировать более узко. Кроме того, часто ранние комплексы данной подгруппы сложно отделить от подгруппы 2в, что естественно для переходных периодов, когда идет постепенная смена ве-

1. Данные изделия не связаны с отдаленно их напоминающими изделиями раннескифского времени.
2. Л. С. Клочко правомерно считает их локальными индикаторами Посулья (Клочко 2017, с. 38). Данные украшения позволяют говорить об изготовлении на заказ представителей лесостепной аристократии небольших серий украшений.
3. Конусовидные изделия не идентичны и уникальны, хотя подобная форма в другие периоды не получила распространения среди населения Северного Причерноморья. Несколько более ранние конические подвески известны в Великой Знаменке, к. 13.

4. В. А. Ильинская отдавала предпочтение кошачьему хищнику в трактовке данного изображения (1968, с. 29).
5. Выделена А. Ю. Алексеевым для памятников преимущественно V в. до н. э. (Алексеев 2003, с. 276).
6. Датировка погребений Солохи приводится по А. Ю. Алексееву (Алексеев 2003, с. 260—261, 296), хотя весьма вероятно, что дата основного погребения в приведенном диапазоне все же ближе к концу столетия (410—400 гг. до н. э.) (Алексеев 2003, с. 260).

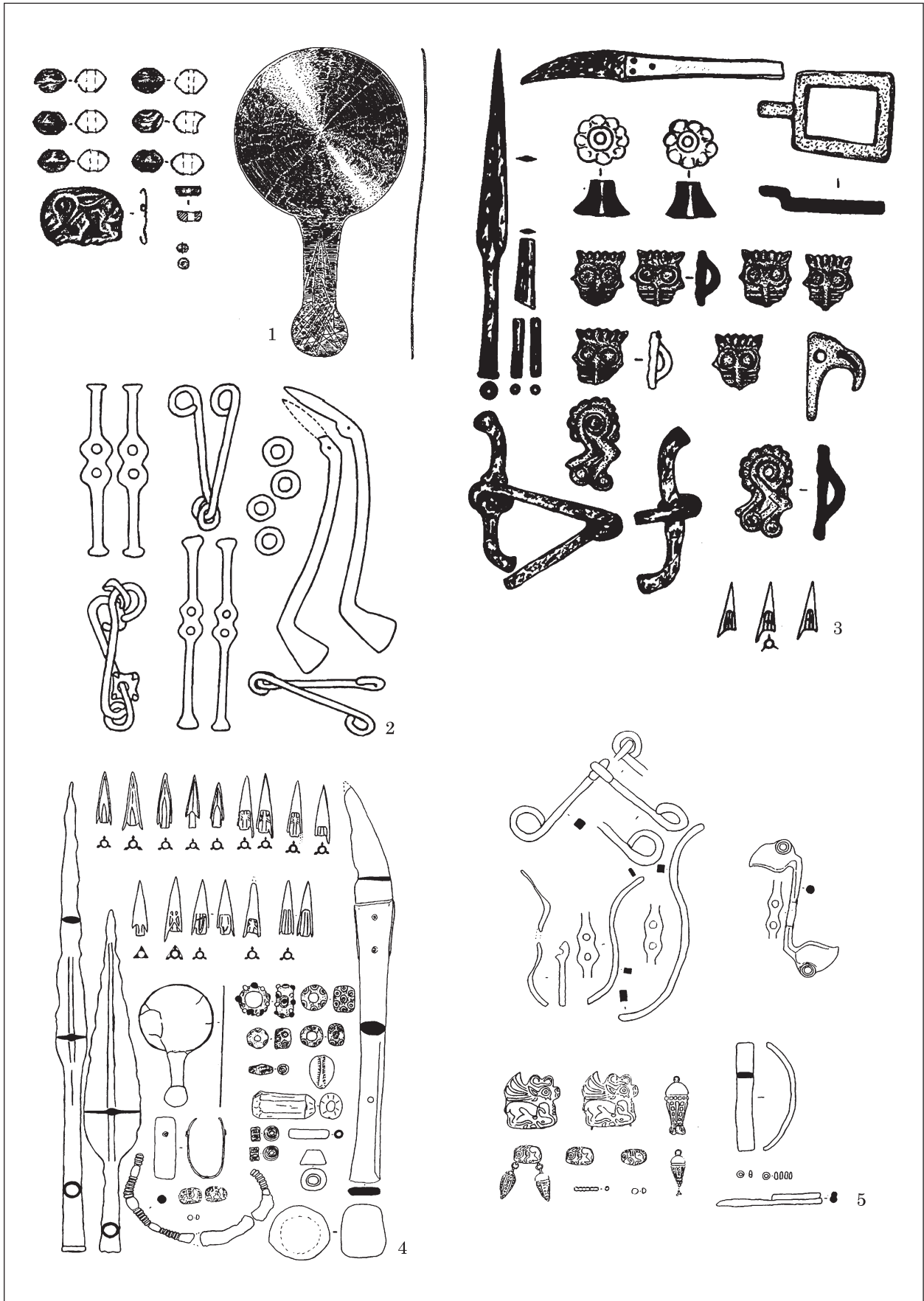

Рис. 12. Материалы из комплексов подгруппы За, группы III; 1 — Перещепино, к. 2/2002; 2 — Перещепино, к. 2; 3 — Малая Рогозянка I, к. 2; 4 — Песочин, к. 25; 5 — Песочин, к. 2 (составлено по (Шрамко 1994b; Бандуровский, Буйнов 2000; Бабенко 2005; Кулатова, Супруненко 2010). Масштаб произвольный

щевого комплекса. Вероятно, по этой причине все комплексы Посулья с мечами типа Солохи (Стайкин Верх, к. 3, Аксютинцы, к. 2 (1883—1885 гг.) попали в предыдущую подгруппу, а в данной — комплексы из данного региона не представлены. При этом, перещепинский комплекс к. 3/2 с аналогичным мечом не может быть датирован ранее конца V — начала IV вв. до н. э. (Шрамко 1994). Детали узды посульских комплексов подгруппы 2в группы II бытуют, как минимум, до времени совершения основного погребения Солохи, что не позволяет исключать некоторое омоложение части погребений данной подгруппы, особенно, к. 2 у с. Аксютинцы (1883—1885 гг.).

Для комплексов ДЛЛ основными хронологическими индикаторами являются предметы античного импорта (амфоры Гераклеи, Менды, краснофигурные арибаллические лекифы), мечи типа Солоха, золотые бляшки аналогичные хорошо датированным комплексам Степи.

Базовыми степными комплексами подгруппы 3а являются: первичное и впускное погребения Солохи, Корнеевка, к. 2, Двугорбая Могила, Богдановка к. 3¹, Первомаевка II, к. 4 (390/380 (Полин 2014, с. 259—261), основное погребение Гаймановой Могилы (390—380 гг. до н. э.) (Бидзиля, Полин 2012, с. 510).

Относительно более архаичными в подгруппе 3а лесостепными комплексами являются курганы Перещепинского могильника (конец V — начало IV вв. до н. э.) — к. 2/2001 (рис. 4: 2), к. 2/2002 (рис. 12: 1) (Махортых 2012)².

Несколько моложе (конец V — первая четверть IV) могут быть датированы комплексы погребений — Малая Рогозянка I, к. 2 (рис. 12: 3), Перещепино, к. 7 (рис. 7: 2), к. 1/2001 (рис. 7: 1), 2/1, 3/1, 3/2 (рис. 4: 1), 4, Осняги, к. 4 (рис. 9: 2), 5 (рис. 5: 2), 7, 17, 18, Скоробор, к. 11 (рис. 6: 1), 16, 17 (рис. 6: 2), 19, группа Б, к. 1 (рис. 7: 3), 2 (рис. 8: 2), Олефирщина, к. 15 (рис. 9: 1)³, 16.

1. Дискуссия о времени совершения захоронения см.: Полин 2014, с. 246—252. Более широкая датировка данного комплекса концом V — началом IV вв. до н. э. не влияет равным счетом ни на что, а желание ограничить датировку равными датами (столетиями или их половинами) является субъективным.
2. До публикации хиосской амфоры из к. 13 Перещепинского могильника нельзя точно отнести данное погребение к данному периоду (Махортых 2012). Весь комплекс находок говорит в пользу его отнесения к более раннему времени (подгруппе 2в, а возможно, и финалу подгруппы 2б (Г-образные псалии, меч, ворворка).
3. В публикации определена как амфора неизвестного центра (на усеченно-конической ножке (подражание лесбосским) (Кулатова, Луговая, Супруненко 1993, с. 43). По форме можно предположить ее принадлежность мендейской амфоре типа II варианту В (портичелло) и датировать первыми двумя десятилетиями IV в. до н. э. (Монахов 2003, с. 91—92, табл. 63: 3).

Изделия из золота составляют довольно монотипный набор украшений. Распространяются, появившиеся в предыдущей подгруппе, бляшки в виде зайца (Басовка А (Галанина 1977, табл. 21: 16), Скоробора, к. 19 (рис. 7: 4) (Шрамко 1987, с. 148, рис. 40: 2), Песочин, к. 2 (рис. 12: 5) (Бабенко 2005), Перещепино, к. 2/2002 (рис. 12: 1) (Кулатова, Супруненко 2010, с. 114) и грифонов (?) (Осняги к. 5 (рис. 5: 2), Олефирщина к. 15 (рис. 9: 1), Песочин к. 2 и 25 (рис. 12: 4—5), Перещепино, к. 1/2001 (рис. 7: 1), в форме человеческой головы в фас⁴ (Осняги, к. 5 (рис. 45: 2), группа Б, к. 2 (рис. 8: 2), рубчатые бусины (Перещепино к. 1/2001 (рис. 7: 1), к. 2/2001 (рис. 4: 2), группа Б, к. 1 (рис. 7: 3). В песочинском кургане 2 найдены бляшки в виде оленя и сетчатое украшение из трубочек и подвесок-бутонов аналогичные найденным во впускном погребении Солохи (Бабенко 2005, с. 160). Аналогичная бляшка в виде оленя выявлена в Великой Багачке (рис. 7: 3) (Мурзин, Шелехань 2018, с. 68—69).

Золотые треугольные бляшки из трех розеток известны в к. 2/2001 Перещепинского могильника (рис. 4: 2) (Кулатова, Супруненко 2010, с. 98) аналогичны изделиям из Богдановки, к. 3/2 и Бердянського кургана (Битковский, Полин 1987, с. 81; Мурзин, Белан, Подвысоцкая 2017).

Калачиковидная серьга в к. 5 Оснягов (рис. 5: 2) относится к типу 9 и была отнесена С. С. Бессоновой к концу V — началу IV вв. до н. э. (Бессонова 2007, с. 11).

Про богатство бельского некрополя говорят находки в разграбленных погребениях серебряного ритона (Скоробор, к. 17) с золотыми деталями (рис. 6: 2) и плетеной цепочки-гривны вместе с фрагментами меча типа Солохи (Скоробор 11/1975 (рис. 6: 1). Плетенная гривна в виде узкого шнура в один ряд косичек без застежек характерна для ранней группы изделий V — начала IV вв. до н. э. и близка по времени изделиям из к. 2/2 Корнеевки и Любимовки, к. 38/2 (Кубишев, Бессонова, Ковалев 2009, с. 73—75).

Колчаные наборы в последней трети V — IV вв. до н. э. комплектовались достаточно случайным образом (Мозолевский, Полин 2005 с. 347) и, зачастую, не могут помочь в уточнении датировок комплексов данного хронологического диапазона.

Псалии в данный период имеют в основном S-видную форму и связаны с изделиями происхождением с изделиями подгруппы 2в группы II. Концы бронзовых (основное погребение Солохи) или железных (Гайманова Могила) изделий украшены шариками или зооморфными изображениями (основное погребение Гай-

4. Близкие изделия известны в хорошо датированном погр. 2/3 у с. Богдановка (Битковский, Полин 1987, с. 81).

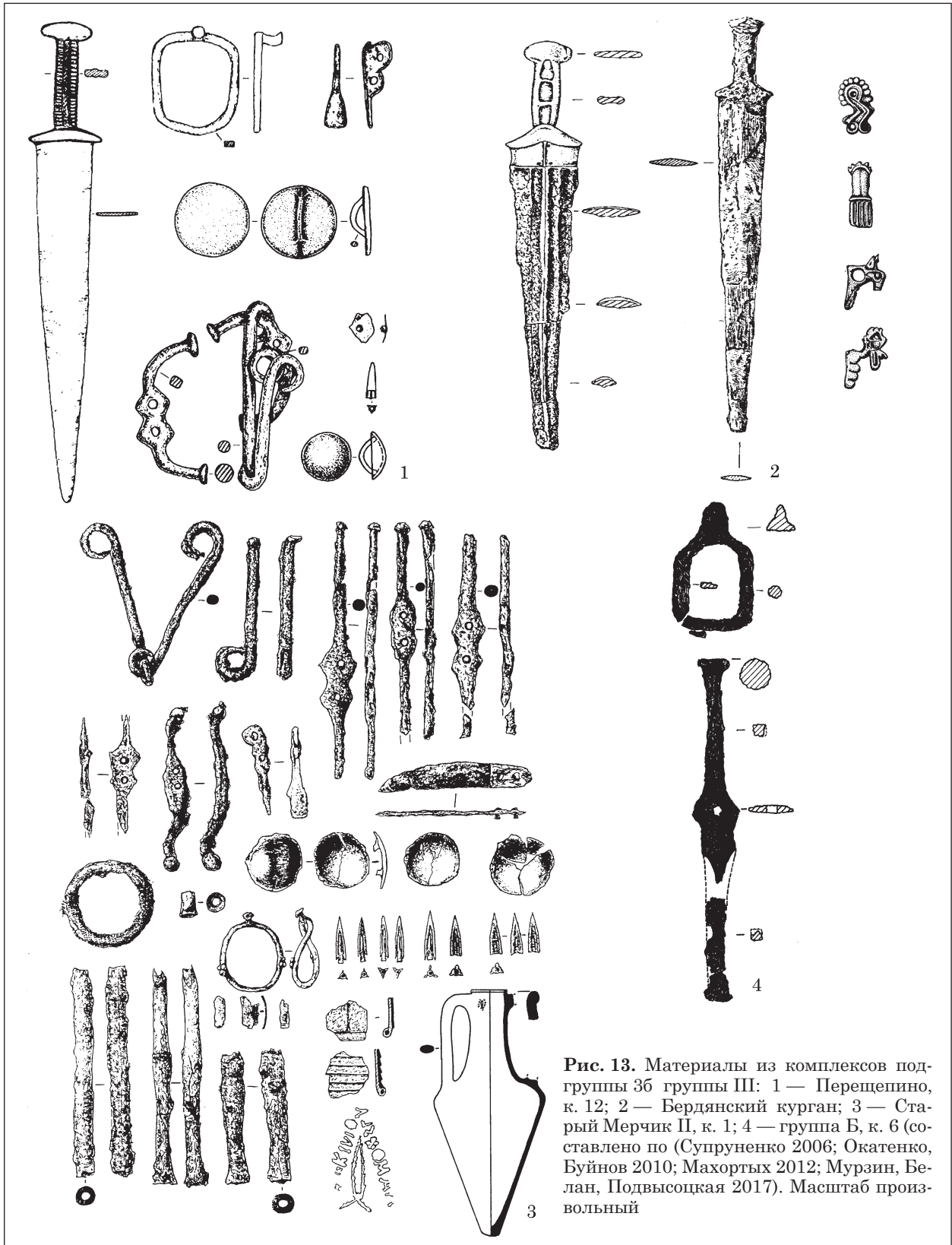

Рис. 13. Материалы из комплексов подгруппы 36 группы III: 1 — Перещепино, к. 12; 2 — Бердянский курган; 3 — Старый Мерчик II, к. 1; 4 — группа Б, к. 6 (составлено по (Супруненко 2006; Окатенко, Буйнов 2010; Махортых 2012; Мурзин, Белан, Подвысоцкая 2017). Масштаб произвольный

мановой Могилы), которые, как и аналогичные изделия, могут датироваться не позднее 380-х гг. до н. э. (Бидзиля, Полин 2012, с. 219).

В Гаймановой могиле известны и бронзовые псалии S-видной формы, аналогии которым в Лесостепи отсутствуют (Бидзиля, Полин 2012,

с. 214), хотя подобные железные изделия все же известны (Могилев 2008, с. 36—37).

Биметаллические псалии S-видной формы с бронзовыми элементами (Стайкин Верх 3 (рис. 11: 4). В целом наибольшее распространение железные S-видные с бронзовыми элемен-

тами псалии (шарики и зооморфные окончания) получили в первой половине IV в. до н. э. Со времени Толстой Могилы бронзовыми шариками декорировались уже прямые псалии (Бидзиля, Полин 2012, с. 207, 209).

Железные стержневидные псалии хорошо известны в Богдановке, к. 3/1, Перещепинском могильнике в к. 2/93, 7 (рис. 7: 2), 1/2001 (рис. 7: 1), 2/1980 (рис. 12: 2) и встречаются с изделиями S-видной формы (Бидзиля, Полин 2012, с. 228).

Высокие усеченно-конические ворворки с вогнутыми боками окончательно выходят из употребления. Их заменяют низкие экземпляры близкой формы.

Подпружные пряжки известны еще в подгруппе 16 группы II (Песочин к. 5, Коротич и др. (Гречко 2017, с. 93, рис. 8: 1, 4). В данный период появляется серия бронзовых прямоугольных пряжек с язычком (Перещепино, к. 7 (рис. 7: 2), Осняги, к. 5 (рис. 5: 2), Малая Рогозянка 1, к. 2 (рис. 12: 3), Черемушная, к. 10) (Муззин 1995; Шрамко 1987; Бандуровский Буйнов 2000; Гречко 2010, с. 245, рис. 98: 35) и достаточно многочисленная группа железных подпрямоугольных изделий с язычком (Скоробор, к. 17 (рис. 6: 2), Осняги, к. 5 (совстречаются с бронзовой (рис. 5: 2), Золочевское (Шрамко 1987; Гречко 2010, с. 256, рис. 109) ¹.

Бронзовые пряжки округлой формы с язычком известны в памятниках конца V — начала IV вв. до н. э. (Осняги, к. 7 (Шрамко 1987). Аналогии есть в Солохе (Манцевич 1987, кат. 111). Подобный тип бронзовых подпружных пряжек начал использоваться в подгруппе 16 группы II и хорошо известен в комплексах последней трети V — начала IV вв. до н. э. (Скифская могила, Русская Тростянка, к. 14) (Скорый, Хохоровски 2008; Пузикова 2001).

Бронзовые круглые подпружные пряжки с кнопкой и шариками зерни хорошо известны (тип Гайманова Могилы по С. В. Полину). Данный тип, вероятно, появился в конце V — начале IV в. до н. э. (Бобрица к. 31 ²) и мог использоваться до третьей четверти IV в. до н. э. (Старый Мерчик группа II, к. 1 (рис. 13, 3), Волковцы, к. 1/ 1897 г. ³) (Бидзиля, Полин 2012, с. 191—193).

1. Близкую форму имеет железная подпружная пряжка из Скифской Могилы (последняя треть V в. до н. э.), при этом язычок загнут в другую сторону, что, безусловно, выделяет ее среди подобных изделий (Скорый, Хохоровски 2008, с. 138, рис. 4: 4).
2. Датируется по клеймленной гераклеийской амфоре. *Terminus post quem* для комплекса и типа пряжек зависит от мнения исследователя о начале клеймления амфор в Гераклее.
3. Канфаровидный килик из Волковцы, к. 1 (1897) невозможно поместить в период исключительно до середины IV в. до н. э., поскольку именно эта форма широко используется и во второй половине столетия. Благодарю Н. И. Сударева за консуль-

С данного периода (конец V — начало IV вв. до н. э.) появляются бронзовые пряжки в виде кольца с рамкой для крепления повода к удилам (Ильинская 1968, с. 116; Бидзиля, Полин 2012, с. 204—205). Среди конской сбруи, связанной с первичным захоронением Солохи, подобная пряжка имеет не треугольную, а ближе к прямоугольной форму рамки (Манцевич 1987). Пряжки, связанные с впускным погребением Солохи и основным Гаймановой Могилы уже имеют треугольную форму рамки. В начале третьей четверти IV в. до н. э. подобные пряжки выходят из употребления, а начинают господствовать железные изделия с кольцом, надетым на удила, и перпендикулярной рамкой (Бидзиля, Полин 2012, с. 204—205).

Среди наборов узды известны нащечники в виде стилизованного бедра животного, нижние части двух «лап» которых оформлены в виде завитков. Подобные изделия были выявлены в захоронении конца V — первой четверти IV в. до н. э. в могильнике Малая Рогозянка 1, к. 2 (рис. 12: 3) (Бандуровский, Буйнов 2000). Аналогии данным нащечникам относятся к первым двум десятилетиями IV в. до н. э. и происходят из кургана 14 возле с. Русская Тростянка ⁴, к. 26 и 29 ⁵ могильника Колбино I на Среднем Дону и в кургане 2 у с. Петровка (Пузикова 2004; Шевченко 2009, с. 38—40; Братченко, Швецов, Дубовская 1989, с. 173) и Бердянском кургане (рис. 13: 2) (Муззин, Белан, Подвысоцкая 2017). Подобные изделия можно считать генетически связанными с реалистичными бляхами в виде двух задних лап животного, которые относятся к середине — второй половине V в. до н. э. Общая тенденция к схематизации формы уже отмечалась исследователями (Ильинская 1968, с. 132—133).

Несколько более поздним временем датируется тип нащечников в виде одной конечности без завитков («медвежья лапа») (впускное погребение Солохи, Чертомлык) (Манцевич 1987, кат. 91, 109; Алексеев, Муззин, Ролле 1991, рис. 54: 6). Данный тип нащечников использовался, начиная со времени совершения впуск-

- тации. В целом, вероятно, к данному «комплексу» надо относиться осторожно. С. В. Полин справедливо отмечает, что: «Все это вызывает большое предубеждение к достоверности состава старых комплексов из Лесостепи в целом и огромные сомнения по составу комплексов, попавших в коллекцию Ханенко, и среди них кургана 1 у с. Волковцы (1897) в особенности» (Полин 2014, с. 219).
4. В публикациях датируется второй половиной V в. до н. э., а центр определяется между Мендой и Фасосом (Пузикова 2001, с. 134). По форме можно предположить ее принадлежность мендейской амфоре типа II варианту В (портичелло) и датировать первыми двумя десятилетиями IV в. до н. э. (Монахов 2003, с. 91—92).
 5. Датируется по гераклеийской амфоре с клеймом фабриканта Архестрата 390—380 гг. до н. э. (Шевченко 2009, с. 40).

ного погребения Солохи и основного Гаймовой Могилы и до третьей четверти IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин 2012, с. 200—202). Выше перечисленные нащечники могут представлять одну генетическую линию развития подобных деталей узды.

В захоронении Малая Рогозянка 1, к. 2 входили бляшки украшены изображением фантастического существа и стилизованной головы животного с ушами (рис. 12: 3) (Бандуровский, Буйнов 2000). Аналогии бляшкам в Лесостепи неизвестны. Идентичные изделия найдены в захоронении 2 кургана 4 у с. Первомаевка на Херсонщине, которое датируется первой четвертью IV в. до н. э. (Евдокимов, Фридман 1987, с. 104, рис. 16: 2).

Среди нахрапников появляются новые типы. Изделия со скульптурным изображением травоядного животного (олень?) (Осныги, к. 4 (рис. 9: 2), Песочин, к. 9) связаны с изделиями подгруппы 2в группы II (Стайкин Верх, к. 2).

Группа нахрапников с различными вариантами изображениями головки орла (рис. 9: 2) генетически связана с более ранней. Часть орлиноголовых становятся более стилизованными (рис. 12: 3) и их правомерно А. Д. Могиллов называет клювовидными (Могиллов 2008).

В к. 1/2001 Перещепинского могильника был найден нахрапник в виде головы лося (?) (рис. 7: 1) (Кулатова, Супруненко 2010, с. 68—69). Аналогии в Лесостепи отсутствуют.

На последнюю треть V — первую треть IV вв. до н. э. приходится пик богатства некрополей Поворскля¹, как по количеству комплексов, так и по размерам погребальных сооружений и составу инвентаря.

ПОДГРУППА 3Б / III ГРУППА (380/365²—360/350 гг. до н. э.)

Данная подгруппа занимает хронологическую позицию между впускным погребением Солохи и началом периода 8 в истории Европейской Скифии А. Ю. Алексеева, который связан с внешними войнами и появлением новых групп кочевников с востока (Алексеев 2003, с. 27—28). Данный период характеризуется отсутствием данных о династической истории Скифии между Октамасадом и Атеем, и, возможно, внутренними конфликтами (Алек-

сеев 2003, с. 237—238)³. Подгруппа представлена поздними комплексами группы / пласта А памятников Классической Скифии (Алексеев 2003, с. 276—277).

Данная подгруппа сложна в выделении (Кубышев, Бессонова, Ковалев 2009, с. 116). В ней наиболее ранним можно считать Бердянский курган. Его датировка С. Ю. Монаховым, по моему мнению, наиболее точно отражает его хронологическую позицию (370—365 гг. до н. э.) (Монахов 2003, с. 67—68)⁴. Новый тип меча и ряд особенностей материального комплекса позволяют считать его следующим после впускного погребения Солохи, открывающим новую подгруппу памятников Классической Скифии⁵. К данному горизонту относится Северная гробница Гаймановой Могилы (вторая четверть IV в. до н. э.) (Бидзиля, Полин 2012, с. 596). Кроме того, базовыми комплексами Степи для данного горизонта можно считать Красный Подол 1, к. 2 (Полин 2014, с. 252—255), Первомаевка II, к. 4/1 (365—360 гг. до н. э.) (Полин 2014, с. 259), Братолюбовский курган.

В Лесостепи надежно датированных комплексов данной хронологической подгруппы немного: Старый Мерчик группа II, к. 1 (370-е годы до н. э.) (рис. 13: 3) (Окатынко, Буйнов 2010, с. 83), Перещепино, к. 12 (рис. 13: 1) (Махортых 2012) и, вероятно, к. 6 группы Б (рис. 13: 4) (Супруненко 2006).

В это время появляется серия мечей (Бердянский курган (рис. 13, 2), Перещепино, к. 12 (рис. 13: 1), которая является переходной от солохинского типа к чертомлыкскому. Форма их рукояти стоит ближе к чертомлыкской серии, а форма клинка, безусловно, характерна для серии Солохи. Д. Топал их относит к типу Чертомлык (Топал 2014, рис. 3: 12—13). По моему мнению, их стоит выделить в отдельный (бердянский?) тип.

В данный период продолжают использоваться подпружные пряжки типа Гаймановой Могилы (Старый Мерчик группа II, к. 1 (рис. 13: 3). Железная подпружная пряжка с вертикальным немного загнутым вперед язычком найдена в к. 12 Перещепинского могильника вместе с мечом и железными С-видными псалями (рис. 13: 1) (Махортых 2012). С. В. Полин считает, что железные и бронзовые пряжки круглой формы сменяются прямоугольными после середины IV в. до н. э. (Полин 2014, с. 386). С этого времени (второй четверти — середины IV в. до н. э.) распространение получают железные

1. В Посулье известны три аристократических кургана (Аксютинцы, к. 5/1905 г. (С. А. Мазараки) и у с. Будки (1897—1898 гг. С. А. Мазараки) середины — третьей четверти IV в. до н. э. Среди них выделяется волковецкий курган 1 (1897—1898 гг. С. А. Мазараки) высотой 13,5 м. Судя по наборам конской узды, данный комплекс может датироваться около середины IV в. до н. э. (Полин 2014, с. 288).

2. Датировка Бердянского кургана по А. Ю. Алексееву (2003, с. 296).

3. С 360-х годов до н. э. Атей начинает активную политику на юго-западе Скифии. Дискуссионными являются масштабы власти данного степного владыки (см. подробнее: Алексеев 2003, с. 225).

4. С. В. Полин датирует курган временем около 380—370 гг. до н. э. Дискуссию см.: Полин 2014, с. 263—268.

5. Следуя периодизации А. Ю. Алексеева, ее можно назвать А2.

Эволюция некоторых типов материальной культуры в последней трети V — первой половине IV вв. до н. э.

Под-группа	Маркеры	Посттипы	Инновации	Базовые комплексы
Группа II, подгруппа 2в (430/420—410-е)	Хиос III-C- 2 и IV	Высокие ворворки, трехлопастные наконечники стрел стройных пропорций, замочки, бляхи-кисти, бляхи в виде головы лося (типа Скифской Могила). Круглые бляшки с рубчатыми краями *	Мечи типа Солохи, бляшки в виде лапы кошачьего хищника (типа Малая Цимбалка), низкие усеченно конические ворворки. S-видные псалии, стержневидные железные двухдырчатые псалии, нахрапники в виде головы хищной птицы с удлиненным основанием, бляшки в виде человеческой кисти, наборы бронзовых ножных и ручных браслетов и булавок в Посулье, золотые бляшки в виде зайцы, человеческого лица в фас, рубчатые полые бусины	Малая Цимбалка, Блинец 2, Турецкая Могила, Скифская Могила, Гладковщина, Стайкин Верх, к. 2, 3, Аксютинцы, к. 2 (1883—1885 гг.)
3а (420/400—380/375)	Гераклейские пифоидные амфоры, фассосские биконические амфоры, амфори Менди типа II, чернолаковые килики, краснофигурные арибаллические лекифы	Мечи типа Солохи, бронзовые трехгранные и трехлопастные наконечники стрел, бляшки в виде лапы кошачьего хищника (типа Малая Цимбалка), низкие усеченно конические ворворки. S-видные псалии в том числе с зооморфными окончаниями, стержневидные железные двухдырчатые псалии, биметаллические псалии, нахрапники в виде головы хищной птицы, бляшки в виде зайцы, человеческого лица в фас, рубчатые полые бусины	Подпружные бронзовые пряжки с язычком прямоугольной формы, подпружные пряжки типа Гаймановой Могила, железные подпружные с язычком. Золотые бляшки в виде оленя (типа Солохи), треугольные бляшки из трех розеток и др.	Первичная и впускная гробницы Солохи, Корнеевка, к. 2, Малая Рогозянка 1, к. 2, Перещеино, к. 2/2001, 2/2002, 2001/1, 2/1, 3/1, 3/2, 4/1, Осняги, к. 4/1, 5, 7, 17, 18, Скоробор, к. 11, 16, 17, 19, группа Б, к. 1, 2, Олефирщина, к. 15, 16
3б (380/365—360/350)	Античный импорт	Бронзовые нахрапники разных типов, стержневидные железные двухдырчатые псалии, биметаллические псалии, подпружные пряжки типа Гаймановой Могила	Мечи типа Бердянского кургана, железные подпружные пряжки с кнопкой, железные наносники	Бердянский курган, Старый Мерчик II, к. 1, Перещеино, к. 12

* Генетически связаны с бляшками-розетками.

подпружные пряжки с кнопкой прямоугольной формы (Братолюбовский курган, группа Б, к. 6 (рис. 12: 4) (Бидзиля, Полин 2012, с. 409).

В данный период появляются железные нахрапники с плоским щитком и петлей, которая является стилизованным изображением клюва (Перещеино, к. 12 (рис. 13: 1), Старый Мерчик группа II, к. 1 (рис. 13: 3).

С. С. Бессонова справедливо отмечает, что вторая четверть IV в. до н. э. является периодом «затухания» значительной части характеристик классической культуры Скифии. Например, исчезновение традиции создания сосудов с накладными металлическими украшениями (Кубышев, Бессонова, Ковалев 2009, с. 87).

* * *

Рассматриваемый период в истории населения Степи и Лесостепи Восточной Европы является не самым запутанным при реконструкции

основных этнокультурных процессов (таблица). Это обусловлено стабилизацией военно-политической обстановки и непрерывным развитием населения в регионе (Алексеев 2003, с. 29—30, табл. 2). Отсутствие значительных миграций в данное время также способствует отсутствию остроты в дискуссиях. Хронология базовых комплексов также в целом не вызывает особенных вопросов, а их удревнение на одно—два десятилетия, зачастую перенапрягают источник.

Для земледельческого населения Лесостепи вхождение в состав Скифии не позднее конца первой трети V в. до н. э. принесло существенные изменения: сократилось число городищ, поселений с зольниками, при продолжении активного функционирования нескольких укреплений и широком распространении сезонных поселений. Все это происходило на фоне увеличения подвижности части земледельческого населения и инфильтрации части степного населения в регион.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев, А. Ю. 1995. Погребение V в. до н. э. в кургане Малая Цимбалка (раскопки И. Е. Забелина в 1868 г.). *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 32, с. 53-59.
- Алексеев, А. Ю. 2013. *Хронография Европейской Скифии VII—IV веков до н. э.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.
- Алексеев, А. Ю., Мурзин, В. Ю., Ролле, Р. 1991. *Чертомлык (скифский царский курган IV в. до н. э.)*. Киев: Наукова думка.
- Бабенко, Л. И. 2005. *Песочинский курганный могильник скифского времени*. Харьков: Райдер.
- Бандуровский, А. В., Буйнов, Ю. В. 2000. *Курганы скифского времени (северскодонецкий вариант)*. Киев: ИА НАНУ.
- Бессонова, С. С. 2007. Калачиковидные серьги и греко-варварские контакты VII—IV вв. до н. э. *Боспорские исследования*, XVI, с. 3-29.
- Бидзила, В. И., Полин, С. В. 2012. *Скифский царский курган Гайманова Могила*. Киев: Скиф.
- Білінський, О. О., Кабанов, Д. О. 2015. Пам'ятки скіфського часу у верхів'ях Псла. *Археологія і давня історія України*, 4 (17), с. 122-127.
- Битковский, О. В., Полин, С. В. 1987. Скифский курган у с. Богдановка на Херсонщине (к проблеме хронологии памятников V—IV вв. до н. э.). В: Черненко, Е. В. (ред.). *Скифы Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, с. 74-85.
- Бойко, Ю. Н., 1996. Приднепровская Лесостепь и кочевники скифского времени: факторный дистанционно-динамический вариант модели. В: Супруненко, А. Б. (ред.). *Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи*. Полтава: Археологія, с. 268-279.
- Бойко, Ю. Н. 1999. Меридиально ориентированные погребения Приднепровской лесостепи скифского времени. *Древности 1997—1998*, с. 59-78.
- Братченко, С. Н., Швецов, М. Л., Дубовская, О. Р. 1989. Курган IV в. до н. э. в бассейне Северского Донца. *Советская археология*, 1, с. 170-177.
- Виноградов, Ю. А., Марченко, К. К. 1991. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации. *Советская археология*, 3, с. 45-57.
- Гавриш, П. Я. 2000. *Племена скіфського часу в Лісостепу Дніпровського Лівобережжя (за матеріалами Прип'ілля)*. Полтава: Археологія.
- Галанина, Л. К. 1977. *Скифские древности Поднепровья. (Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга)*. Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1—33.
- Гейко, А. В. 1997. Кераміка скіфського часу Свиридівського городища. *Археологія*, 2, с. 106-111.
- Гейко, А. В. 2000а. Археологічна діяльність С. О. Мазаракі в контексті вивчення поховальних пам'яток Посулля. В: Супруненко, А. Б. (ред.). *Музеї. Меценати. Колекції*. Київ; Полтава: Археологія, с. 91-100.
- Гейко, А. В. 2000б. Городище раннього залізного віку поблизу с. Глинськ. *Археологія*, 3, с. 149-153.
- Гречко, Д. С. 2010. *Населення скіфського часу на Сіверському Дінці*. Київ: ІА НАНУ.
- Гречко, Д. С. 2012. О возможных «просветах» в «темное» время (VI в. до н. э.) скифской истории. *Stratum plus*, 3, с. 75-106.
- Гречко, Д. С. 2013. О памятниках киммерийцев и «раннескифской» культуре. *Stratum plus*, 3, с. 133-154.
- Гречко, Д. С. 2016а. От Архаической Скифии к Классической. *Археологія і давня історія України*, 2, с. 33-60.
- Гречко, Д. С. 2016б. Классическая Скифия: начало (последние десятилетия VI — первая четверть V в. до н. э.). *Revista arheologică*, XII, 1—2, с. 145-168.
- Гречко, Д. С. 2017. О формировании Классической Скифии в V в. до н. э. *Археологія і давня історія України*, 2 (23), с. 78-106.
- Гречко, Д. С. 2018. Поховальний обряд населення Дніпровського Лісостепоного Лівобережжя ранньоскіфського часу: варіант аналізу. *Археологія і давня історія України*, 1 (26), с. 20-44.
- Гречко, Д. С., Шелехань, А. В. 2012. *Гришковский могильник скифов на Харьковщине*. Киев: ИА НАНУ.
- Гречко, Д. С., Крютченко, О. О., Ржевуська, С. С. 2018. Більська археологічна експедиція Інституту археології НАН України: дослідження 2014—2018 рр. *Феномен Більського городища — 2018*, с. 48-71.
- Григорьев, В. П. 1994. Захоронение тяжелооруженного скифского воина у с. Гладковщина. В: Черненко, Е. В. (ред.). *Древности скифов*. Киев: ИА НАНУ, с. 63-79.
- Евдокимов, Г. Л., Фридман, М. И. 1987. Скифские курганы у с. Первомаевка на Херсонщине. В: Черненко, Е. В. (ред.). *Скифы Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, с. 72-97.
- Евдокимов, Г. Л., Фридман, М. И. 1991. Курганы скифского времени у с. Первомаевка на Херсонщине. В: Болтрик, Ю. В., Бунятян, Е. П. (ред.). *Курганы степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с. 85-115.
- Еременко В. Е. 1997. Относительная и абсолютная хронология Европейской Скифии: взгляд со стороны. *Stratum plus*, с. 44-62.
- Жаров, Г. В., Терпиловський, Р. В. 2006. Дослідження пам'яток скіфського та римського часу у Верхньому Посуллі. *Археологічний літопис Лівобережної України*, 1, с. 89-99.
- Ильинская, В. А. 1968. *Скифы Днепровского лесостепного Левобережья*. Киев: Наукова думка.
- Ильинская, В. А., Тереножкин, А. И. 1983. *Скифия VII—IV вв. до н. э.* Киев: Наукова думка.
- Каравайко, Д. В. 2018. О трёх городищах скифского времени Путивльского Посеймья. *Археологія і давня історія України*, 2 (27), с. 264-286.
- Кац, В. И. 2007. *Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения)*. Симферополь; Керчь. Боспорские исследования, XVIII.
- Клочко, Л. С. 2017. Особливості костюмів скіф'янок на землях Посулля. *Археологія*, 3, с. 37-54.
- Ковалев, Н. В., Полин, С. В. 1991. Скифские курганы у с. Корнеевка Запорожской области. В: Болтрик, Ю. В., Бунятян, Е. П. (ред.). *Курганы Степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с. 33-53.
- Коваленко, О. В., Луговий, Р. С. 2006. Курган V ст. до н. е. поблизу селища Опішне Полтавської області: попередні результати дослідження. *Археологічний літопис Лівобережної України*, 2, с. 52-63.
- Кубышев, А. И., Бессонова, С. С., Ковалёв, Н. В. 2009. *Братолюбовский курган*. Киев: ИА НАНУ.
- Кулатова, И. Н., Луговая, Л. Н., Супруненко А. Б. 1993. *Курганы скифского времени междуречья Ворсклы и Псла*. Москва; Полтава: ПКМ.
- Кулатова, И. Н., Супруненко, А. Б. 1996. Первый Мгарский курган. В: Супруненко, А. Б. (ред.). *Більське городище в контексті вивчення пам'яток ран-*

нього залізного віку Східної Європи. Полтава: Археологія, с. 318-338.

Кулатова, І. М., Супруненко, О. Б. 2010. *Кургани скифського часу західної округи Більського городища*. Київ: ЦП НАН України і УТОПІК.

Лейпунська, Н. О. 1989. До питання про хронологію деяких античних матеріалів у скифських пам'ятках. *Археологія*, 2, с. 107-115.

Луговий, Р. С., Верещака, В. М. 2006. Неукріплені поселення скифського часу середньої та нижньої течії Сули. *Археологічний літопис Лівобережної України*, 2, с. 68-72.

Манцевич, А. П. 1987. *Курган Солоха*. Ленинград: Искусство.

Махортьх, С. В. 2012. Хронологія Перещепинського курганного могильника близ Бельска. *Stratum plus*, 3, с. 145-160.

Махортьх, С. В. 2013. Погребальні споруди та обряд курганних некрополей Бельського городища. *Stratum plus*, 3, с. 223-256.

Махортьх, С. В., Ролле, Р. 2015. Изображения редуцированной лапы животного и кисти человеческой руки в искусстве степной и лесостепной Скифии. *Stratum plus*, 3, с. 183-204.

Мелюкова, А. И. 1964. *Вооружение скифов*. Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1—4.

Могилов, О. Д. 2008. *Спорядження коня скифської доби у східноєвропейському Лісостепу*. Київ; Кам'янець-Подільський: ІА НАНУ.

Мозолевский, Б. Н. 1987. Малый Чертомлык. В: Черненко? Е. В. (ред.). *Скифы Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, с. 63-74.

Мозолевский, Б. Н., Полин, С. В. 2005. *Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Бабина, Водяна, и Соболева Могила)*. Киев: Стило.

Мокляк, В. О. (ред.). 2007. *Звід пам'яток історії та культури України: Полтавська область, Ново-санжарський район*. Полтава: Дивосвіт.

Монахов, С. Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель*. Москва; Саратов: Киммерид; Саратовский университет.

Мурзін В. Ю., Ролле Р., Скорий С. А. 1995. Дослідження Перещепинського курганного могильника. *Археологія*, 2, с. 63-72.

Мурзин, В. Ю., Белая, Ю. А., Подвысоцкая, Е. П. 2017. *Бердянский курган (погребальный комплекс скифского аристократа IV в. до н. э.)*. Киев: Олег Філюк.

Мурзин, В. Ю., Шелехань, О. В. 2018. Скифський курган у середній течії р. Псел. *Старожитності Лівобережжя Дніпра — 2017*, с. 61-73.

Окатынко, В. М., Буйнов, Ю. В. 2010. Курган з похованнями скифського типу біля Старого Мерчика. *Археологія*, 1, с. 78-90.

Окатынко, В. Н., Скорый, С. А. 2017. Скифский курган «Турецкая Могила» в бассейне Северского Донца. *Археологія і давня історія України*, 2 (23), с. 311-334.

Пеляшенко, К. Ю. 2014. Ліпний посуд із поховань скифського часу Дніпро-Донецького Лісостепу. *Археологія*, 2, с. 36-50.

Плетнева, С. А. 1982. *Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей*. Москва: Наука.

Плешивенко, А. Г. 1991. Исследование скифских курганов в Днепровском Надпорожье. *Древности степного Причерноморья и Крыма*, II, с. 143-152.

Полин, С. В. 2014. *Скифский Золотобалковский курганный могильник V—IV вв. до н. э. на Херсонщине*. Киев: Олег Філюк.

Пузикова, А. И. 2001. *Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов)*. Москва: Индрик.

Ромашко, В. А., Скорый, С. А. 2009. *Близнец 2: скифский аристократический курган в Днепровском правобережном Надпорожье*. Днепропетровск: Пороги.

Скорый, С. А. 1997. *Стеблев: скифский могильник в Поросье*. Киев: ІА НАНУ.

Скорый, С. А. 2003. *Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи*. Киев: ІА НАНУ.

Скорый, С. А., Хохоровски, Я. 2009. Аристократический курган Скифская Могила вблизи Мотронинского городища (Украинская Правобережная Лесостепь). *Stratum plus*, 3, с. 234-276.

Скорый, С., Хохоровски, Я. 2008. Конское снаряжение из кургана Скифская Могила. В: Посохов, С. И. (ред.). *Проблемы археологии Восточной Европы*. Харьков: Курсор, с. 132-141.

Супруненко О. Б. 1996. Розкопки Більського курганного некрополю «Б». В: Супруненко, А. Б. (ред.). *Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи*. Полтава: Археологія, с. 88-120.

Супруненко, О. Б. 2006. Поховання Більського курганного некрополю «Б» (за розкопками 1995 р.). *Археологічний літопис Лівобережної України*, 2, с. 114-122.

Топал, Д. А. 2014. Акинаки классической Скифии: тип Солоха. В: Лукьяшко, С. И. (ред.). *Война и военное дело в скифо-сарматском мире*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, с. 380-406.

Фиалко, Е. Е. 1994. *Памятники скифской эпохи Приднепровской террасовой Лесостепи*. Киев: ІА НАНУ.

Фиалко, Е. Е. 2006. Посуда с лаковым покрытием в погребальном обряде скифов. В: Петренко, В. Г., Яблонский, Л. Т. (ред.). *Древности скифской эпохи*. Москва: ІА РАН, с. 351-387.

Шевченко, А. А. 2009. Новые материалы к изучению курганного могильника Колбино I на Среднем Дону. В: Гуляев, В. И. (ред.). *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Донской археологической экспедиции ІА РАН, 2004—2008 гг.* Москва: ІА РАН, с. 26-111.

Шерстюк, В. В. 2012. Селища Ворсклинської групи пам'яток скифського часу між Пслом та Ворсклою у південно-західній округі Більського городища. В: Супруненко, О. Б. (ред.). *Феномен Більського городища*. Київ: ЦП НАНУ і УТОПІК, с. 47-50.

Шрамко, Б. А. 1987. *Бельское городище скифской эпохи (город Гелон)*. Киев: Наукова думка.

Шрамко, Б. А. 1994а. Новые раскопки курганов в могильнике Скоробор. *Древности 1994*, с. 102-106.

Шрамко Б. А. 1994б. Розкопки курганів VII—IV ст. до н. е. поблизу Більська. *Археологія*, 4, с. 117-133.

REFERENCES

Alekseev, A. Yu. 1995. Pogrebenie V v. do n. e. v kurgane Malaya Tsimbalka (raskopki I. E. Zabelina v 1868 g.). *Arkheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 32, s. 53-59.

Alekseev, A. Yu. 2013. *Hronografiya Evropeyskoy Skifii VII—IV vekov do n. e.* Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyj Ermitazh.

- Alekseev, A. Yu., Murzin, V. Yu., Rolle, R. 1991. *Chertomlyk (skifskiy tsarskiy kurgan IV v. do n. e.)*. Kiev: Naukova dumka.
- Babenko, L. I. 2005. *Pesochinskiy kurgannyiy mogilnik skifskogo vremeni*. Harkov: Rayder.
- Bandurovskiy, A. V., Buynov, Yu. V. 2000. *Kurganyi skifskogo vremeni (severskodonetskiy variant)*. Kiev: IA NANU.
- Bessonova, S. S. 2007. Kalachikovidnyie sergi i greko-varvarskie kontakty VII—IV vv. do n. e. *Bosporskie issledovaniya*, XVI, s. 3-29.
- Bidzilya, V. I., Polin, S. V. 2012. *Skifskiy tsarskiy kurgan Gaymanova Mogila*. Kiev: Skif.
- Bilinskiy, O. O., Kabanov, D. O. 2015. Pam'yatki skifskogo chasu u verhiv'yah Psla. *Arheologiya i davnya istoriya Ukrainy*, 4 (17), s. 122-127.
- Bitkovskiy, O. V., Polin, S. V. 1987. Skifskiy kurgan u s. Bogdanovka na Hersonschine (k probleme hronologii pam'yatnikov V—IV vv. do n. e.). In: Chernenko, E. V. (ed.). *Skify Severnogo Prichernomor'ya*. Kiev: Naukova dumka, s. 74-85.
- Boyko, Yu. N., 1996. Pridneprovskaya Lesostep i kochevniiki skifskogo vremeni: faktorniy distantsionno-dinamicheskiy variant modeli. In: Suprunenko, A. B. (ed.). *Bil'ske gorodische v konteksti vivchennya pamyatok rannogo zaliznogo viku Evropy*. Poltava: Arheologiya, s. 268-279.
- Boyko, Yu. N. 1999. Meridialno orientirovannyye pogrebeniya Pridneprovskoy lesostepi skifskogo vremeni. *Drevnosti 1997—1998*, s. 59-78.
- Bratchenko, S. N., Shvetsov, M. L., Dubovskaya, O. R. 1989. Kurgan IV v. do n. e. v bassejne Severskogo Donta. *Sovetskaya arheologiya*, 1, s. 170-177.
- Vinogradov, Yu. A., Marchenko, K. K. 1991. Severnoe Prichernomore v skifskuyu epohu. Opyit periodizatsii. *Sovetskaya arheologiya*, 3, s. 45-57.
- Gavrish, P. Ya. 2000. *Plemena skifskogo chasu v Lisostepu Dniprovskogo Livoberezhzha (za materialami Pripsillya)*. Poltava: Arheologiya.
- Galanina, L. K. 1977. *Skifskie drevnosti Podneprovyia (Ermitazhnaya kolleksiya N. E. Brandenbura)*. Moskva: Nauka. Svod arheologicheskikh istochnikov, D 1—33.
- Geyko, A. V. 1997. Keramika skifskogo chasu Sviridivskogo gorodischa. *Arheologiya*, 2, s. 106-111.
- Geyko, A. V. 2000a. Arheologichna diyalnist S. O. Mazarakii v konteksti vivchennya pohovalnih pamyatok Posullya. In: Suprunenko, A. B. (ed.). *Muzeji. Metsenati. Kolektsiyi*. Kyiv: Poltava: Arheologiya, s. 91-100.
- Geyko, A. V. 2000b. Gorodische rannogo zaliznogo viku poblizu s. Glinsk. *Arheologiya*, 3, s. 149-153.
- Grechko, D. S. 2010. *Naseleennyya skifskogo chasu na Siverskomu Dintsi*. Kyiv: IA NANU.
- Grechko, D. S. 2012. O vozmozhnykh «prosvetah» v «temnoe» vremena (VI v. do n. e.) skifskoy istorii. *Stratum plus*, 3, s. 75-106.
- Grechko, D. S. 2013. O pamyatnikah kimmeriytsev i «ranneskifskoy» kulture. *Stratum plus*, 3, s. 133-154.
- Grechko, D. S. 2016a. Ot Arhaicheskoy Skifii k Klassicheskoy. *Arheologiya i davnya istoriya Ukrainy*, 2, s. 33-60.
- Grechko, D. S. 2016b. Klassicheskaya Skifiya: nachalo (poslednie desyatiletia VI — pervaya chetvert V v. do n. e.). *Revista arheologica*, XII, 1—2, s. 145-168.
- Grechko, D. S. 2017. O formirovanii Klassicheskoy Skifii v V v. do n. e. *Arheologiya i davnya istoriya Ukrainy*, 2 (23), s. 78-106.
- Grechko, D. S. 2018. Pohovalniy obryad naselennyya Dniprovskogo Lisostepovogo Livoberezhzha rannoskifskogo chasu: variant analizu. *Arheologiya i davnya istoriya Ukrainy*, 1 (26), s. 20-44.
- Grechko, D. S., Shelehan, A. V. 2012. *Grishkovskiy mogilnik skifov na Harkovschine*. Kiev: IA NANU.
- Grechko, D. S., Kryutchenko, O. O., Rjevuska, S. S. 2018. Bil'ska arheologichna ekspeditsiya Institutu arheologiji NAN Ukrainy: doslidjennya 2014—2018 rr. *Fenomen Bil'skogo gorodischa — 2018*, s. 48-71.
- Grigorev, V. P. 1994. Zahoronenie tyajelovoorujennogo skifskogo voyna u s. Gladkovschina. In: Chernenko, E. V. (ed.). *Drevnosti skifov*. Kiev: IA NANU, s. 63-79.
- Evdokimov, G. L., Fridman, M. I. 1987. Skifskie kurganyi u s. Pervomaevka na Hersonschine. In: Chernenko, E. V. (ed.). *Skify Severnogo Prichernomor'ya*. Kiev: Naukova dumka, s. 85-115.
- Evdokimov, G. L., Fridman, M. I. 1991. Kurganyi skifskogo vremeni u s. Pervomaevka na Hersonschine. In: Boltrik, Yu. V., Bunyatyan, E. P. (eds.). *Kurganyi stepnoy Skifii*. Kiev: Naukova dumka, s. 85-115.
- Eremenko, V. E. 1997. Otnositelnaya i absolyutnaya hronologiya Evropeyskoy Skifii: vzglyad so storony. *Stratum plus*, s. 44-62.
- Zharov, G. V., Terpilovskiy, R. V. 2006. Doslidjennya pam'yatok skifskogo ta rimskogo chasu u Verhnomu Posulli. *Arheologichniy litopis Livoberezhnoy Ukrainy*, 1, s. 89-99.
- Iilinskaya, V. A. 1968. *Skify Dneprovskogo lesostepnogo Livoberezhya*. Kiev: Naukova dumka.
- Iilinskaya, V. A., Terenokhin, A. I. 1983. *Skifiya VII—IV vv. do n. e.* Kiev: Naukova dumka.
- Karavayko, D. V. 2018. O treh gorodischah skifskogo vremeni Putivl'skogo Poseymya. *Arheologiya i davnya istoriya Ukrainy*, 2 (27), s. 264-286.
- Kats, V. I. 2007. *Grecheskie keramicheskie kleyma epohi klassiki i ellinizma (opyit kompleksnogo izucheniya)*. Simferopol; Kerch. Bosporskie issledovaniya, XVIII.
- Klochko, L. S. 2017. Osoblivosti kostyumiv skifyanok na zemlyah Posullya. *Arheologiya*, 3, s. 37-54.
- Kovalev, N. V., Polin, S. V. 1991. Skifskie kurganyi u s. Korneevka Zaporozhskoy oblasti. In: Boltrik, Yu. V., Bunyatyan, E. P. (eds.). *Kurganyi Stepnoy Skifii*. Kiev: Naukova dumka, s. 33-53.
- Kovalenko, O. V., Lugoviy, R. S. 2006. Kurgan V st. do n. e. poblizu selischa Opishne Poltavskoy oblasti: poperedni rezultati doslidjennya. *Arheologichniy litopis Livoberezhnoy Ukrainy*, 2, s. 52-63.
- Kubyshchev, A. I., Bessonova, S. S., Kovalev, N. V. 2009. *Bratolyubovskiy kurgan*. Kiev: IA NANU.
- Kulatova, I. N., Lugovaya, L. N., Suprunenko, A. B. 1993. *Kurganyi skifskogo vremeni mejdurechya Vorsklyi i Psla*. Moskva; Poltava: PKM.
- Kulatova, I. N., Suprunenko, A. B. 1996. Pervyy Mgarskiy kurgan. In: Suprunenko, A. B. (ed.). *Bil'ske gorodische v konteksti vivchennya pamyatok rannogo zaliznogo viku Shidnoy Evropi*. Poltava: Arheologiya, s. 318-338.
- Kulatova, I. M., Suprunenko, O. B. 2010. *Kurgani skifskogo chasu zahidnoy okrugi Bil'skogo gorodischa*. Kyiv: TsP NAN Ukrainy i UTOPIK.
- Leypunskaya, N. O. 1989. Do pitannya pro hronologiyu deyakih antichnih materialiv u skifskih pamyatkah. *Arheologiya*, 2, s. 107-115.
- Lugoviy, R. S., Vereschaka, V. M. 2006. Neukripleni poselennyya skifskogo chasu serezhnoy ta nizhnoy techii Suli. *Arheologichniy litopis Livoberezhnoy Ukrainy*, 2, s. 68-72.
- Mantsevich, A. P. 1987. *Kurgan Soloha*. Leningrad: Iskusstvo.
- Mahortiyh, S. V. 2012. Hronologiya Pereschepinskogo kurgannogo mogilnika bliz Belska. *Stratum plus*, 3, s. 145-160.
- Mahortiyh, S. V. 2013. Pogrebalnyie sooruzeniya i obryad kurgannyih nekropoley Belskogo gorodischa. *Stratum plus*, 3, s. 223-256.
- Mahortiyh, S. V., Rolle, R. 2015. Izobrajeniya redutsirovannoy lapyi jivotnogo i kisti chelovecheskoy ruki v iskusstve stepnoy i lesostepnoy Skifii. *Stratum plus*, 3, s. 183-204.
- Melyukova, A. I. 1964. *Vooruzhenie skifov*. Moskva: Nauka, Svod arheologicheskikh istochnikov, D 1—4.
- Mogilov O. D. 2008. *Sporyadjennyya konya skifskoy dobi u shidnoevropeyskomu Lisostepu*. Kyiv; Kam'yanets-Podilskiy: IA NANU.
- Mozolevskiy, B. N. 1987. Malyy Chertomlyk. In: Chernenko, E. V. (ed.). *Skify Severnogo Prichernomor'ya*. Kiev: Naukova dumka, s. 63-74.
- Mozolevskiy, B. N., Polin, S. V. 2005. *Kurganyi skifskogo Gerrosa IV v. do n. e. (Babina, Vodyana, i Soboleva Mogilyi)*. Kiev: Stilos.
- Moklyak, V. O. (ed.). 2007. *Zvid pam'yatok istoriji ta kultury Ukrainy: Poltavskaya oblast, Novosanjarskiy rayon*. Poltava: Divosvit.
- Monahov, S. Yu. 2003. *Grecheskie amfory v Prichernomorie. Tipologiya amfor veduschih tsentrov-eksporterov tovarov u keramicheskoy tare. Katalog-opredelitel*. Moskva; Saratov: Kimmerida; Saratovskiy universitet.

Murzin, V. Yu., Rolle R., Skoriy S. A. 1995. Doslidjennya Pereschepinskogo kurgannogo mogilnika. *Arheologiya*, 2, s. 63-72.

Murzin, V. Yu., Belan, Yu. A., Podvyisotskaya, E. P. 2017. *Berdianskiy kurgan (pogrebalniy kompleks skifskogo arishtokrata IV v. do n. e.)*. Kiev: Oleg Filyuk.

Murzin, V. Yu., Shelehan, O. V. 2018. Skifskiy kurgan u seredny techii r. Psel. *Starojitnosti Livoberejya Dnipro — 2017*, s. 61-73.

Okatenko, V. M., Buynov, Yu. V. 2010. Kurgan z pohovannyami skifskogo tipu bilya Starogo Merchika. *Arheologiya*, 1, s. 78-90.

Okatenko, V. N., Skoryiy, S. A. 2017. Skifskiy kurgan «Turetskaya Mogila» v bassejne Severskogo Donta. *Arheologiya i davnya istoriya Ukrainy*, 2 (23), s. 311-334.

Pelyashenko, K. Yu. 2014. Lipniy posud iz pohovany skifskogo chasu Dnipro-Donetskogo Lisostepu. *Arheologiya*, 2, s. 36-50.

Pletneva, S. A. 1982. *Kochevniki srednevekovya. Poiski istoricheskikh zakonornostey*. Moskva: Nauka.

Pleshivenko, A. G. 1991. Issledovanie skifskikh kurganov v Dneprovskom Nadporozhe. *Drevnosti stepnogo Prichernomor'ya i Kryima*, II, s. 143-152.

Polin, S. V. 2014. *Skifskiy Zolotobalkovskiy kurganniy mogilnik V—IV vv. do n. e. na Hersonschine*. Kiev: Oleg Filyuk.

Puzikova, A. I. 2001. *Kurganniy mogilnik skifskogo vremeni Srednego Podonya (publikatsiya kompleksov)*. Moskva: Indrik.

Romashko, V. A., Skoryiy, S. A. 2009. *Bliznets 2: skifskiy aristokraticheskiy kurgan v Dneprovskom pravoberejnom Nadporozhe*. Dnepropetrovsk: Porogi.

Skoryiy, S. A. 1997. *Steblev: skifskiy mogilnik v Porose*. Kiev: IA NANU.

Skoryiy, S. A. 2003. *Skifyi v Dneprovskoy Pravoberejnoj Lesostepi*. Kiev: IA NANU.

Skoryiy, S. A., Chohorovski, YA. 2009. Aristokraticheskiy kurgan Skifskaya Mogila vblizi Motroninskogo gorodischa (Ukrainskaya Pravoberejnaya Lesostep). *Stratum plus*, 3, s. 234-276.

Skoryiy, S., Chohorovski, YA. 2008. Konskoe snaryajenie iz kurgana Skifskaya Mogila. In: Posohov, S. I. (ed.). *Problemyi arheologii Vostochnoy Evropyi*. Harkov: Cursor, s. 132-141.

Suprunenko, O. B. 1996. Rozkopki Bilskogo kurgannogo nekropolyu «B». In: Suprunenko, A. B. (ed.). *Bilске gorodische v konteksti vivchennya pamyatok rannogo zaliznogo viku Evropyi*. Poltava: Arheologiya, c. 88-120.

Suprunenko, O. B. 2006. Pohovannya Bilskogo kurgannogo nekropolyu «B» (za rozkopkami 1995 r). *Arheologichniy litopis Livoberejnoi Ukrainy*, 2, s. 114-122.

Topal, D. A. 2014. Akinaki klassicheskoy Skifi: tip Soloha. In: Lukyashko, S. I. (ed.). *Voyna i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire*. Rostov-na-Donu: YuNC RAN, s. 380-406.

Fialko, E. E. 1994. *Pamyatniki skifskoy epohi Pridneprovskoy terrasovoy Lesostepi*. Kiev: IA NANU.

Fialko E. E. 2006. Posuda s lakovym pokryтием v pogrebalmom obryade skifov. In: Petrenko, V. G., Yablonskiy, L. T. (ed.). *Drevnosti skifskoy epohi*. Moskva: IA RAN, s. 351-387.

Shevchenko, A. A. 2009. Novyye materialy k izucheniyu kurgannogo mogilnika Kolbino I na Srednem Donu. In: Gulyaev, V. I. (ed.). *Arheologiya Srednego Dona v skifskuyu epohu: Trudyi Donskoy arheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 2004—2008 gg*. Moskva: IA RAN, s. 26-111.

Sherstyuk, V. V. 2012. Selischa Vorsklinskoi grupi pamyatok skifskogo chasu mij Pslom ta Vorskloyu u pvidnennozahidny okruzi Bilskogo gorodischa. In: Suprunenko, O. B. (ed.). *Fenomen Bilskogo gorodischa*. Kyiv: CP NANU i UTOPIK, s. 47-50.

Shramko, B. A. 1987. *Belskoe gorodische skifskoy epohi (gorod Gelon)*. Kiev: Naukova dumka.

Shramko, B. A. 1994a. Novyye raskopki kurganov v mogilnike Skorobor. *Drevnosti 1994*, s. 102-106.

Shramko, B. A. 1994c. Rozkopki kurganiv VII—IV st. do n. e. poblizu Bilsk. *Arheologiya*, 4, s. 117-133.

D. S. Grechko

SCYTHIA FROM OCTAMASADES TO ATEAS (According to the Materials of the Dnieper Left Bank Forest Steppe)

The article is devoted to the consideration of ethnocultural processes in the Dnipro Left Bank forest-steppe and some issues of the development of material culture in the last third of the 5th—4th centuries BC. This period was characterized by the stabilization of the military-political situation and the ongoing development of the population in the south of Eastern Europe.

Cluster analysis of burials allowed us to identify several groups. The first cluster characterizes the originality of the Belsk necropolis and its neighborhoods (clusters 1a, 2a, 3, 4). The second block united the burial of nomads who advanced along the Muravsky Shlyakh to the north (clusters 1b, 2c). Interestingly, that the program separated the elite complexes of the next chronological horizon (mid-third quarter of the 4th century BC) in wooden tombs with a southern orientation (clusters 5—6).

In the development of the material culture of this period, three subgroups were identified. Subgroup 2c / group II (430/420—410° BC) is a transitional and reflects the material culture of the period of the completion of the formation of Scythia. The inventory of the burials, apart from innovations, still contains types of products that were typical for the Middle Scythian time.

Subgroup 3a / group III (420/400—380/375 BC) corresponds with the time of Solokha's burials. Material culture is actually completely innovative in relation to the Middle Scythian.

Subgroup 3b / III group (380/365—360/350° BC) is difficult to separate and is a transitional from material culture such as Solokha burial to the one that would dominate, starting from the time of the burials in Tolstaya and Chmyreva Mogilas.

For the agricultural population of the Forest-Steppe, the entry into Scythia no later than the end of the first third of the 5th century BC brought significant changes: the number of fortified settlements, settlements with ash hills decreased. Several fortifications continued active functioning and the seasonal settlements widely spread. All this happened against the background of an increase of the mobility of a part of the agricultural population and the infiltration of a part of the steppe population into the region.

Keywords: Dnieper Left Bank forest-steppe, Scythian time, settlement structure, burial mounds, material culture, chronology.

Одержано 5.03.2019

ГРЕЧКО Денис Сергійович, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда 12, Київ, 04210, Україна, ukrspadshina@ukr.net.

GRECHKO Denys Sergiyovych, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingradu ave. 12, Kyiv, 04210, Ukraine, ukrspadshina@ukr.net.